

502.7 В ЭТОМ ВЫПУСКЕ ЧИТАЙТЕ:

ЖС-675

Б. РЯБИНИН
УРОКИ ДОБРОТЫ

АВТОР РАССУЖДАЕТ
ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ
ЗА ЖИВОТНЫХ,
КОТОРЫХ МЫ ДЕРЖИМ
У СЕБЯ ДОМА

ЧЕЛОВЕК **ЗНАНИЕ**

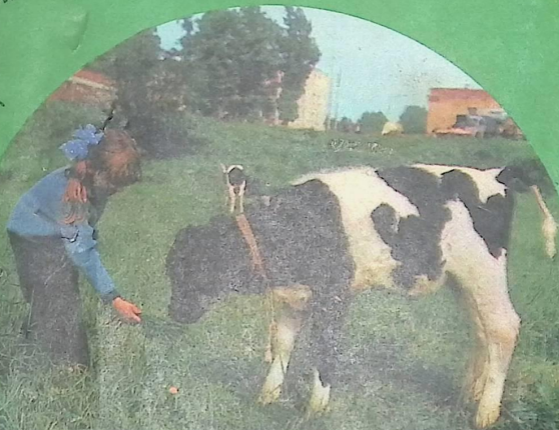
НАРОДНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

4

1978

И ПРИРОДА

вр 4870/4

ФАКУЛЬТЕТ

ЧЕЛОВЕК И ПРИРОДА

НАРОДНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ВЫХОДИТ ЕЖЕМЕСЯЧНО С 1975 ГОДА

4/78

502.7

ЖС-675

бр. 4870/6

ЖИВОТНЫЕ В НАШЕМ ДОМЕ

В этом выпуске
читайте:

Б. РЯБЕНИН

УРОКИ ДОБРОТЫ

БИБЛИОТЕКА
Сам. СХИ
г. Самара

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЗНАНИЕ»
Москва 1978

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

Наш комментарий

И. СОСНОВСКИЙ. Животные в нашем доме (3)

Человек и природа

Б. РЯБИНИН. Уроки доброты (9)

Три наблюдения за один день. Для чего нужна черепаха? Себя найти во всем живущем... Кто виноват? «Убийца?» Улица учит. Мы говорим: не

Официальный отдел

Г. ОСИПОВ. Право и домашние животные (60)

Книжная полка «Человек и природа»

О. СЕМЕНЕНКО. Как быть добрым? (64)

Страницы истории

А. МОРОЗОВ. «Красносмотрителен же и радости
высокого сокола лет» (67)

О природе детям

А. ТУРОВ. Волос с головы Медузы Горгоны (74)

Этюды о природе

О. ВОРОНОВ. Обида (84)

О. ТУМАНОВ. Белое перышко (85)

Г. СОСНОВСКИЙ. Наедине с природой (89)

Дети о природе

Про мою черепаху Чапу (90)

Календарь природы

А. СТРИЖЕВ. Весна распахнулась (91)

Страничка юмора

Ф. КРИВИН. Мышовка. Золотое правило (93)

Антология «Человек и природа»

Д. СУХАРЕВ. Птичий рынок (94)

Редактор

Н. ФИЛИППОВСКИЙ

Не по дням, а по часам растут и вширь и ввысь наши города. Увеличивается их население, улучшаются жилищные условия горожан. И что симптоматично, причем вполне оправданно — с ростом населения прибавляется в наших городах и количество непрописанных «жильцов», учесть которых очень трудно, а необходимость этого есть явная. Я, конечно, имею в виду не людей, избегающих прописки, а самых разнообразных пернатых и лохматых, прыгающих и ползающих, плавающих и летающих, поющих и лающих наших соседей, которые населяют городские квартиры или домики на садовых участках в пригородах. Источники приобретения этих жильцов разнообразны: зоомагазины, рынки, случайные находки в лесу или в поле, живые сувениры из дальних стран, подарки и даже спецзаказы друзьям, уезжающим в экспедиции и командировки.

На первый взгляд — ничего плохого, ничего вредного для природы и ничего опасного для себя и окружающих. Тяга людей, живущих в городах, к природе, к ее прекрасному и разнообразному миру живых существ — явление естественное. Желание создать в стенах своего дома уголок живой природы, несомненно, оправданно, но в подавляющем большинстве случаев это стремление не сочетается с необходимой ответственностью людей перед теми живыми существами, которые становятся соседями. Я бы сказал, не только соседями, а настоящими членами семьи. Иначе и быть не может. Результаты необдуманного приобретения зверька или птички, черепахи или ящерицы, не говоря уже о волчатах, обезьянах, удавах и крокодилах, зачастую оказываются трагичными для

тех, кто по воле человека попадает в его непосредственное подчинение и прямую зависимость. Вот примеры из московской жизни. Если бы городские телефоны Московского зоопарка подключить к магнитофонам и записать все разговоры его сотрудников с москвичами, то значительная часть их свелась бы к таким вопросам: «Что делать?», «Чем кормить?», «Куда деть?», «Как помочь?» и, наконец, «Как избавиться?». И все это по отношению к тем, кто оказался по тем или иным обстоятельствам случайным жильцом московской квартиры.

Чаще всего появление в доме кого-либо из домашних или диких животных есть результат настоятельной просьбы детей и легкомысленного удовлетворения этих просьб со стороны взрослых, не задумывающихся над тем, смогут ли они создать все необходимые условия жизни приобретаемому щенку или птенцу, черепахе или зверюшке. А с ребенка что спросить. Для него пушистый комочек на четырех лапках, ярко окрашенная птичка или юркая ящерица изумрудного цвета прежде всего живая игрушка. Он не понимает, что эта игрушка чувствует, ощущает боль, переживает, может страдать, что ей нужен и отдых и сон, простор и определенная температура, влажность воздуха, освещенность в пределах естественных норм. Иными словами, подходящая окружающая среда для нормальной жизнедеятельности. Сколько бы вы ни давали сухопутной черепашке любительской колбасы и голландского сыра, а ежику травы, морковки, печенья и конфет, сыты они этим не будут, корма эти не естественные. Животные будут голодать, а это значит мучиться и медленно угасать. Ребенок не понимает, что пушистый комочек — косолапый щенок, которого в месячном возрасте можно покатать в кузове игрушечного автомобиля, потискать на руках, очень быстро вырастет и потребует многого: прогулок, добротной пищи, ласки, своей жилплощади. Его нужно будет и мыть, и чесать, и осматривать, и делать прививки против болезней, он может заболеть и его надо будет лечить и многое, многое другое. Он член семьи, живое существо, наделенное природой нервной системой, он чувствует, переживает и даже многое понимает. Но не понимают этого дети. Однако обязаны понимать и нести за это определенную моральную ответственность. К сожалению, житейская практика показывает, что это не всегда соблюдается. Заводят щенят, котят, радуются, когда вдруг, вернувшись из поездки за грибами, сосед жественно вручает сынишке или дочурке пойманного в лежку ежика или случайно попавшегося бельчонка, совенка, дрозденка или лисичку. А потом? А потом, убедившись, что не так все просто, что от щенка на блестящем паркетном полу остаются «какие-то пятна», а еж топает по ночам и спать не

дает, ищут способ избавиться от приобретенных питомцев. Подросших щенят и котят, когда они потеряют свои игрушечные формы, подбрасывают, а диких зверюшек и птиц для очистки собственной совести отвозят в ближайший лес и выпускают. К чему же это приводит? Как правило, к гибели. Бездомные котята и щенята никому не нужны, они превращаются в бродячих и несчастных животных, рыскающих в поисках пищи, ищущих укрытия от непогоды и места для ночлега. А дикий зверек или пичужка, выпущенные куда попало, не могут приспособиться к новым необычным для них условиям, и естественно, вскоре, причем нередко трагично, кончают свое существование.

Меня могут упрекнуть. Да, но в начале своего повествования вы сказали, что желание людей иметь в своем доме живой уголок, крупицу живой природы, зверька или пернатого соседа естественно и оправданно. Как же это понимать? Что-то не вяжется. Повторяю. Само стремление естественно и оправданно, но... Прежде чем заводить что-либо живое, нужно продумать о той большой ответственности перед этим живым существом, перед самим собой, своей совестью и окружающими вопрос о целесообразности и возможностях приобретения нового члена вашей семьи. И главное, кого заводить, для чего заводить, будет ли от этого польза в доме, не будет ли причинен ущерб родной природе, которую мы все обязаны по своему гражданскому долгу ревностно и бережно охранять.

Если говорить о домашних животных: собаках, кошках, голубях, канарейках, волнистых попугайчиках, морских свинках и некоторых других, прежде всего нужно убедиться в том, что кто-то или все члены семьи, — а нередко при этом приходится считаться и с позициями соседей — благосклонно относятся к факту приобретения будущего жильца, что для него будут созданы надлежащие условия существования и что его пребывание не будет бить по семейному бюджету. Обедками со стола четвероногих и пернатых друзей не кормят.

Все взвесив, убедились — препятствий нет. Заводите. Но до этого посоветуйтесь с опытными любителями, развейте у них все тонкости и особенности проживания в вашей квартире новых жильцов и обязательно «пропишите» их в районных органах городского ветеринарного надзора.

Что касается диких мелких животных — певчих птиц, сов, сычииков, дроздов, скворцов, белочек, ежей, лисят, ящериц, черепах, жаб, бурундучков и других, могу сказать, основываясь на своем многолетнем опыте, — не ловите их в природе, не приобретайте незаконными путями у разного рода ловцов и браконьеров, которые, к сожалению, еще встречаются

на городских «птичьих рынках» или около дверей зоомагазинов. Все эти дикие птички и зверьки и другие животные, оставшись жить в природе, принесут нам с вами гораздо больше пользы, чем та относительная польза при кратковременном содержании их в условиях неволи, которая может в какой-то степени быть только эстетической. Большинство диких животных, попав из природы в домашние условия чувствуют себя угнетенными, заболевают, пытаются вырваться из клетки или ящика, нередко травмируются и гибнут. Довольствуйтесь тем видовым составом зверьков, птиц и других животных, которые продаются в наших зоомагазинах и отлавливаются специальными организациями в видовом составе и количествах, соответствующих природоохранительному законодательству нашей страны, или теми, что законно можно приобрести в клубах натуралистов, на выставках и в обществах охраны природы.

Есть и еще очень важный вопрос при организации живого домашнего уголка или приобретении какого-либо одного питомца. Кому их доверить? Несомненно, только взрослым или детям старшего возраста. Они-то и должны обеспечить соответствующий уход, наблюдение и своим примером доброго отношения к живым существам прививать малолетним чувство любви к живой природе и гуманного отношения ко всем братьям нашим меньшим.

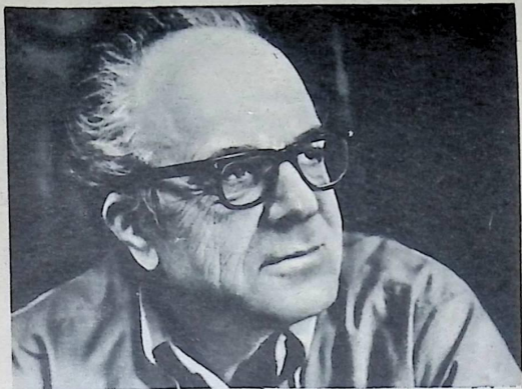
Несколько слов об экзотических животных. За последние годы мелких обезьянок, лемурчиков, попугаев, крокодилчиков привозят из самых дальних стран, покупают в морских портах у иностранных моряков. Желающих приобрести такую живность и чаще всего не по любви, а для оригинальности, ради моды, немало. Но следует предупредить и вот о чем. С заморскими диковинками без обследования их работниками ветеринарных органов можно завезти в страну и занести в свой дом весьма опасные инфекционные и инвазионные заболевания, и первоначальная радость приобретения может окончиться весьма печально. Кроме того, экзотические животные, привезенные из тропических стран, трудно акклиматизируются. Им нужна температура окружающей среды значительно выше нашей комнатной, многим необходима повышенная влажность, а главное, их трудно прокормить. От непривычной, неестественной пищи они отказываются, быстро слабеют и погибают.

И все же, несмотря на целый ряд трудных моментов в организации и содержании в вашем доме живого уголка природы или одного-двух каких-либо питомцев, при постоянном чувстве ответственности за них, соблюдении советских законов о природопользовании, добром, человеческом отношении

к обитателям живого уголка и правильно построенных взаимоотношениях, уголок живой природы не только замечательное украшение наших жилищ, но и особая школа для детей. В этой домашней школе рождаются чувства глубокого уважения к живой природе, познаются многие интересные особенности из жизни животных, их нравы, привычки, поведение. Все это помогает познать целый ряд общих природных явлений, ее закономерности. В итоге осознается необходимость разумного и рационального использования природных богатств и необходимость стать активным защитником родной природы, от состояния которой прямо зависит наше настоящее и будущее грядущих поколений.

И. СОСНОВСКИЙ,
заслуженный работник
культуры РСФСР

Писатель Рябинин давно уже разрабатывает тему «человек и природа», «природа и нравственность». Особенно волнуют его взаимоотношения человека и «братьев наших меньших» — животных, проблема воспитания высокой человеческой доброты, которая, как правило, выверяется на отношении человека к бессловесным существам. Этой проблеме посвящены его книги «Человек должен быть добрым», «О любви к живому» и многие статьи. Советскому читателю известны также книги Бориса Рябинина «Мои друзья», «Рассказы о верном друге», «Друг, воспитанный тобой», «Вы и ваш друг Рэкс», «У бабушки, у дедушки», «Нигер». Их читают взрослые и дети. Книги эти учат понимать и любить мир живой природы.

Б. Рябинин УРОКИ ДОБРОТЫ

ТРИ НАБЛЮДЕНИЯ ЗА ОДИН ДЕНЬ

Первое. Жена моя врач-хирург, преподает в медицинском училище. Нынче приходит с работы, рассказывает:

— Сегодня у меня какой случай. Наша группа должна ехать в колхоз, на уборочную. Подходит девушка-студентка, покраснела, говорит: «Леокадия Семеновна, разрешите мне не ехать, я не могу...» — Спрашиваю: «Почему?» — Мнется, не решается сказать. Уклоняется? Вряд ли. Не похоже, девчонка хорошая... — «Собаку не с кем оставить...» — Сказала, что она дома одна, все в отпуске, а у собаки — щенки, недавно родились...

— Что ты ей ответила?

— Я разрешила, но просила никому не говорить.

Надобно знать, что некоторые медики, когда заходит речь о любви к животным, часто отмахиваются, а иные даже делают презрительную гримасу: подумаешь, как там собака, есть о чем говорить! Вот человек — другое дело... Вероятно, этим объяснялся конец фразы «Я просила никому не говорить».

Но, может быть, не обязательно по-сумасшедшему любить животных, чтоб понять и согласиться: девочка права. И вправду, можно ли бросить несколько живых беспомощных существ без присмотра, отказать им в своей заботе? Запереть в квартире и уехать?! А кто — кормить, выгуливать? Пропадут щенки и мать. И наконец, если проявить такое бессердечие, как отзовется это на самой хозяйке, ее молодом формирующемся сознании? Если педагог, старший товарищ и наставник, так считает...

Нет, положительно я был рад, что жена не оказалась в плену формальной этики, и живые человеческие чувства возобладали в ней над холодным рассудком! Мне казалось, что она держала сегодня важный экзамен! Рад за собаку и, конечно, за ту незнакомую девочку-студентку. Признаться, я сразу же подумал о ней с симпатией.

ей: добрая душа. (Для сведения в скобках могу сообщить, что потом она с лихвой отработала свое на сборе урожая, хорошо показала себя на практике, когда вернулись родители из отпуска.)

Второе. Вышел погулять. На дорожке у входа в парк терьер треплет голубя, женщина и ребенок за этим наблюдают.

Голубь, видимо, был больной или подбитый и не мог взлететь. Собака подсакивала, хватала и подбрасывала его, потрепав, отпускала и тут же, подбадриваемая хозяйкой, снова хватала жертву. Женщина явно наслаждалась этим: развлечение сыну. На лице ее сияла довольная улыбка, малыш лет четырех-пяти весело смеялся и хлопал в ладоши.

— Что вы делаете? — вмешался я в их игру. — Как вам не стыдно? Разве можно так?

— А что тут такого? — беззаботно отозвалась женщина. — Он же все равно никому не нужен...

«Никому не нужен!» А сострадание, жалость? Можно ли устраивать из этого забаву? Мама учила сына жестокости.

(Невольно подумалось: пройдут годы, вырастет сынок, и не будет ли мать жаловаться на его бессердечие, проявленное ко всем окружающим, не исключая и ее...)

Третье. На исходе дня прибежал со двора запыхавшийся младший сынишка Глебка и, еле переведя дух и глотая слова, сообщил:

— Папа, там ребята кошку мучают...

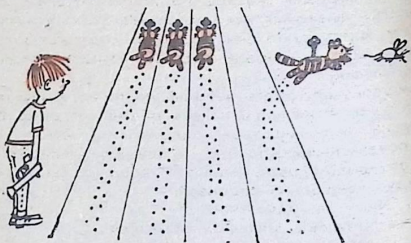
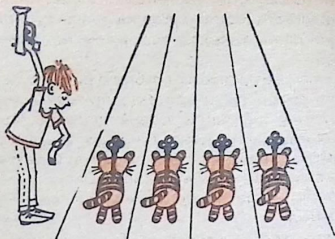
— Где?

— Да в котельной. Забросали ее камнями и мучают...

Я поспешил во двор. Что там еще вытворяют озорники?

Оказалось немного не так, как доносил Глебка, но, в общем, действительно, требовалось вмешательство старших.

Котельная, собственно, только по названию котельная: когда теплофицировали город, котельную закрыли, оборудование разобрали, печи сломали, и осталось пустое приземистое здание с битым кирпичом внутри, вроде тех, в каких в годы гражданской войны и разрухи устраивались притоны шпаны, ночевали беспризорники.

«Кочегарка» превратилась в излюбленное место иг- мальчишек нашего двора и постоянный источник недо- вольства мам: ежедневно хоть каждого стирай с мыльным порошком! Сегодня, однако, «кочегарка» была безлюд- на, ребята кучкой, как воробьи, жались около входа в помещение, а снизу, из кучи битых кирпичей неслось отчаянное кошачье мяуканье.

— Вы что тут делаете? Ты чем занимаешься? — напус- тился я сразу на старшего сына Женьку, который был здесь же вместе со сверстниками. Ребята смутились.

— Мы ее кормить будем...

Оказывается, они ее не мучают, а даже совсем на- оборот, вроде как опекают. Глебка поторопился с обвине- ниями. Но почему она мяукает одна внизу?

Женька начал объяснять. Постепенно я уяснил: Колина бабушка велела унести кошку, кошка — ихняя, но у бабушки астма, кошачья шерсть вызывает приступы, вот она и приказала.

— А тебе ее не жалко? — обращаюсь я к Коле, длинному не по возрасту подростку, прямому и тонкому, напоминающему растущее в тени деревце, которое, чтобы увидеть свет, вынуждено тянуться вверх. У Коли распушенный рот и влажные губы. И он всегда туманно улыбается, даже когда улыбаться нечему.

— У нее глисты, — заученно произносит он. — От нее заразиться можно...

— А тебе это откуда известно? Ты их видел?

— Нет. Бабушка сказала. (Опять бабушка!)

Глисты — знакомая песня. Как надо припугнуть, чтобы люди отвернулись от животного, в ход пускают испытанное средство, жупел — болезни, глисты, стригущий лишай, чесотка...

Пришлось прочитать небольшую популярную лекцию насчет того, что глисты не так опасны, и даже совсем не опасны, если животное содержится в чистоте. Кроме того, показаний никаких нет, — откуда же «глисты»? Чтоб доказать, надо сделать анализ. И кошечка сытая, чистая, по виду совершенно здоровая.

— Она у вас давно живет?

— Второй год, котенком принесли...

— И тебе не жалко? — повторяю я свой вопрос.

— Жалко...

Кошку достали. Они ее обложили кирпичами, хотели сделать вроде домика, но она все равно вылезала, оставляя на кирпичах клочки шерсти. Вскоре она оказалась в руках у Коли. Гладит — значит любит! Почему же пытаются выкорчевать эту любовь?

Позднее, анализируя все детали, я пришел к выводу, что Глебка не ошибся: Коля таким путем пытался выполнить бабушкин приказ — отделаться от кошки, да помешали ребята.

Коля уже давно притча во языцах в нашем доме. Не далее как вчера Глебка пришел со двора с громадным мянком под глазом. Когда спросили, откуда синяк, хехотая ответил: «Колька... он меня бьет». Младшие ре-

бята постоянно жалуются: «Он всегда, когда идет, обязательно по шее даст маленькому или толкнет и доволет. Он маленьких обижает».

Я смотрю на Колю, на его распушенный рот, и думаю: а может, не случайно он всегда толкает маленьких, ломает чужие игрушки? Нет ли тут связи с нынешним происшествием? Не отражается ли в этом поведении косвенно влияние бабушки, хотя она убеждена, что все делает правильно? К слову сказать, с бабушкой у нас никак не получается контакта. Мы не ссоримся, нет, вежливо раскланиваемся при встрече, и все на том кончается. А ведь соседи. Живем на одной площадке. Вероятно, от нее Коля унаследовал высокий рост, худобу и эту понятную полуулыбку и... еще что-то, что, вероятно, скажется в будущем.

Ограничение интересов в одном, подавление чувств всегда приводит к неожиданным проявлениям в других, к нередко взрывным последствиям, своего рода эмоциональным компенсаторам, и далеко не всегда такого свойства, какие нам желательны...

— А ты хотел бы ее держать?

— Бабушка не разрешает...

Выяснилось: кошку один раз уже уносили, но она вернулась; теперь бабушка строго-настроено наказала сидеть так, чтоб киска не нашла дороги домой. А ребята решили по-своему.

Спрашивается, а зачем брали, если у бабушки астма и она не переносит кошачьей шерсти; и, наконец, если животное стало не нужно (вполне допускаю, что может возникнуть такая непредусмотренная ситуация), почему его не передать кому-либо, а выбрасывать, как ненужную грязную тряпку, к тому же осуществляя это руками внука?

— Ребята, кто возьмет кошку? Здесь ее оставлять нельзя, она все равно вылезет и потеряется. И ей тут холодно...

Кошка с рук Коли перебралась к Женьке. Взять нам ее. Но у нас и так уже и кошка и собака.

— Ну, кто возьмет?

Молчат. Мнутя, переглядываются. Все понятно.

Несчастное существо: никому не нужно. И не...

счастливые, право, несчастные дети: всей душой тянутся к теплоте, пушистому, мурлыкающему (попав в руки, киска сразу успокоилась, принялась тереться, мурлыкать) комочку — нельзя! папа-мама заругают... Это ли не уродование, не насилие над психикой? Пусть околет на твоих глазах от голода и холода, занеси и выкинь в сугроб на темной улице — это можно? А пожалеть, и не на словах, а на деле, накормить, обогреть, пристроить к дому — не смей. А не человек ли приручил животное, сделав своим спутником!

Так уж и несчастные — быть может, возразит кто-то. А разве не доказано уже, что человек, лишенный общения с живой природой, оказывается обделенным нравственно и эстетически, он беднее других. Все это проносится у меня в голове.

Вглядываюсь в ребят — они опускают глаза, улыбка на время сбегает даже с Колиного лица (уже хорошо). Ему тоже неловко. Стараются не встречаться со многими взглядами братишки-погодки Толик и Сережа.

У Толика и Сережи интеллигентная семья, дед — профессор, отец — инженер. Но по отношению к комнатной фауне — полная предубежденность. Ни птицы, ни кошки, ни котенка. Даже аквариума нет. За аквариумом нужно ходить, животное — зараза. Мальчишки слюнки пускают, глядя на собак. Ни-ни. Как-то подобрали голубя подбитого — пришлось отнести на зад, туда, где нашли. Высшая целеустремленность! А где-то в перспективе сухой рационализм.

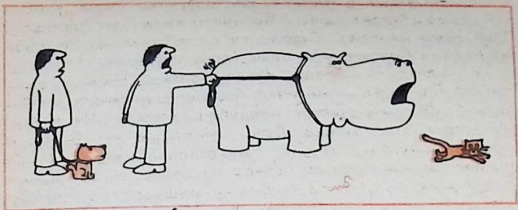
Правда, к чести родителей братьев надо сказать, что когда наш пудель Блямка, еще будучи щенком, разыгрался не в меру или рассердясь, цапнул однажды младшего, Сережку, за губу, они не устроили из этого шума, не предъявили нам претензий и не побежали в больницу делать сыну уколы от бешенства; спасибо хоть на этом. Другие, пожалуй, подняли бы скандал.

Так, все же, как быть с мурлыкой?

Буквально неделю назад у нас была такая же забота со щенком. Подбросили щенка. На нашей лестничной площадке, прямо к дверям. Находятся такие «добрые» люди. Жена шла с работы и наткнулась на него. Она сразу же побежала в школу, сказала Женькиной учительнице, та перед началом урока огласила: «Кто хочет взять щенка?» Желающие нашлись. Кто-то сбегал домой, посоветовался с родителями, а вскоре к нам явилась целая делегация из ребят, и щенка торжественно проводили на его новое место жительства. Щенок обрел хозяев и дом.

Но сейчас, как нарочно, каникулы, в школу не пойдемь.

В это время меня позвали к телефону. Кошку принесли кормить девочки. А когда я вернулся, ее уже не было: ребята сказали — Коля забрал и унес обратно домой. Вроде, бабушка согласилась снова принять ее. Вроде... (Увы, уже через два дня стало известно: кошки у Коли нет, куда она девалась, парень отказывался отвечать. Произвол все-таки совершился.)

Чтоб закончить эту историю, доскажу о Коле. Вскоре он бросил школу и поступил в производственно-техническое училище. Отпустил длинные волосы, вытянулся еще больше. К нему зачастили друзья с гитарой. Когда родители уезжали на дачу в деревню или в отпуск, в квартире собиралась шумная компания, устраивались веселые пирушки, на балконе — молодежь, парни и девушки, среди которых появлялся и Коля со стаканом в руке, орет магнитофон. Иногда дикая, завывающая музыка при распахнутой балконной двери могла начаться в середине дня, терзая нервы всех жильцов, или поздно вечером, когда люди ложатся спать и нужен покой. Я пытался как-то раз обратить на это внимание Николая. Он сказал:

— Я не могу без этого.

— А если это мешает другим?

Он вместо ответа пожал плечами.

«Кочегарка» еще раз стала местом драматических событий. Ее стали ремонтировать, чтоб отдать под какую-то лабораторию. И вот когда ремонт уже заканчивался, в один из вечеров все помещение оказалось разгромленным. Разбиты стекла, исцарапана штукатурка, на стенах неприличные надписи и угрозы... Чья работа? Дошло до милиции. Кой-кому из родителей пришлось возмещать убытки. Упорно поговаривали, что активную роль в погроме сыграл Николай, он и подбил мальчишек на безобразную выходку, но сам ухитрился остаться в стороне...

Звенья одной цепи?

БИБЛИОТЕКА

УРОКИ ДОБРОТЫ

Сам. СХИ

гор. Самара

... А сколько таких или похожих событий ежедневно происходит в городе. По всей стране? Сколько подобных впечатлений накапливается день ото дня, незаметных, но важных, и сколько ребят проходят практическую школу, наглядно учась один у другого, перенимая как хорошее, так и дурное, вредное. Что это составляет в сумме? Как да кап — образуется море.

ДЛЯ ЧЕГО НУЖНА ЧЕРЕПАХА!

Какое безответное существо черепаха. Даже мяука не умеет, ничем не может выразить своего страдания или недовольства, только лапками шевелит да моргает черными, как мелкая ягода-смородина, глазками и поворачивает шею, пытаясь втянуть ее вместе с головой в панцирь. А ведь, наверное, что-то чувствует и, может даже переживает. Молча.

В парке, носящим имя славного пионера-героя Павла Морозова, я заметил группу мальчишек; они были настолько поглощены своим занятием, что не заметили, как я подошел и заглянул через их головы. На земле лежала черепаха, а мальчишки пытались за лапки вытаскивать ее из домика-панциря. Особенно старался один головастый крепыш с оттопыренными ушами и веснушками той физиономией; по-моему, он был заводилой. Он оклеветался хозяином черепахи. Обоснованное любопытство: что у черепахи под панцирем? В школе про это не объясняли... К тому моменту, когда я вмешался, черепаха уже не подавала признаков жизни, распластанная на спине.

Не хочу сказать, что это были плохие мальчишки. Нет! Плохих детей, по-моему, вообще не бывает. Плохими их делают невнимательность, ошибки и заблуждения взрослых. И тот конопатый парнишка, что старался больше других, вытаскивая животное за лапки и даже за голову, потом и опечалился сильнее всех, увидев, что черепаха умерла. А им и в голову не могло прийти, что для нее может кончиться плохо. Черепаха же, что ей делается! Она же молчит! А раз молчит... Впрочем, на этом логика их рассуждений обрывалась.

Вспоминаю, и мне до сих пор жаль эту черепаху...

Для чего он принес ее в парк? Чтоб подвергнуть этому смертельному испытанию, удовлетворить злой интерес? Нет, хотел, чтоб поползла по травке, говорит, хотел покормить. А для чего родители покупали ее ему? На это, разумеется, он ответить не мог, да я и не спрашивал. Купили, принесли на, сынок — и дальнейшее их не касается?.. Наверное, ведь руководствовались добрыми пожеланиями — кто же в наше время желает родному сыну худого! А вот нужные слова сказать позабыли. Спроси их — наверное, не ответят и они. И куда это может завести — тоже не скажут.

Но тогда, может быть, ответ дадут Диденко, Манукян и Вова Васильев по прозвищу Йога?

Помните, был такой фильм — «Внимание, черепаха!» Видели все? Если не видели, посмотрите. Отличный фильм, предназначенный главным образом для малолетних, но сразу приглянувшийся и нашим юным кинозрителям и их более искушенным в кинематографе папам и мамам. Режиссер Ролан Быков создал, по общему признанию, фильм глубоко поучительный на материале, казалось бы, очень незначительном. В самом деле, велика ли персона — черепаха?

С некоторых пор черепаху тоже можно отнести к домашним животным — многие берут черепах, удовлетворяя этим в хоть небольшой мере свою инстинктивную тягу к природе. Очень часто черепаха покупается детям. Вот тут, как говорится, все и начинается.

Наша черепаха — ее звали Ракетой — жила без особых забот и тревог в живом уголке одной школы. Заведовал уголком пионер Вова Васильев по прозвищу Йога, он же Фунтик, он же Кашей. И все шло хорошо, поскольку Вова был человек заботливый, преданный делу и любил животных, пока ему не пришлось отправиться в больницу поправлять потерянный аппетит.

Общим решением класса живой уголок передают в ведение другого мальчика — Диденко. Правда, Диденко не уважает животных и частенько обижает их: то из рогатки пульнет, то еще что-нибудь; но... «Диденко проявит волевой импульс», — заверяет учительница, которая, на наш взгляд, тоже не очень-то разбирается в тон-

А черепаха молчит... она всегда молчит, ни никогда не слышал ее голоса и не знает. И все же тяжело. Это уже чувствуем мы, зрители. А ребятам мало. У них рождается новый план — подвергнуть Ракету решающему испытанию: положить под танк. Пую проедет танк! Раздавит или не раздавит? Выдержит или не выдержит Ракета? Вот уже как повернулось дело. И хоть учительница по неопытности да по неразумности своему и толкует про «волевой импульс», полагаясь на него, как на панацею от возможных зол, а точнее про кривая им свою беспомощность и непонимание некоторых важнейших истин, кои, право же, педагогу знать необходимо (равно как и родителю и прочим воспитателям), рискованная затея начинает воплощаться. Оказывается, «волевого импульса» не дожидаться, его, попросту, нет и не будет, очевидно, коли в Диденко не ввели одного необходимого понятия, когда он был еще совсем маленьким, только одного, но как много оно значит! И когда черепаху становится жалко Манукяна и Манукян хочет отказаться от испытания Ракеты под танком, спасти Ракету, он, Диденко, мальчик злой и явно своекорыстный, именно он, опять же он, набрасывается на Манукяна, валит на землю, давит всей тяжестью не давая подняться, и так держит, теперь уже с нескрываемым сладострастием ожидая, когда танковая гусеница проедет по бедняжке Ракете... Нарочно пересказываю содержание фильма (а ведь сюжет его построен на жизненных ситуациях, нечто подобное происходило в одной школе), чтоб показать, сколько людей, больших и маленьких, оказалось втянуто в, казалось бы, невинную игру с черепахой и какие страсти разыгрались, и как вдруг стало все наглядно и зримо — обнажилось, у каждого какой характер, и кого что влечет, и кто в чем находит смешное и забавное...

В фильме очень выразительно показано, как борются силы добра и зла. Диденко мучает черепаху — скромная тихая девочка по кличке Самоха ее жалеет. Диденко хочет погубить Ракету — Самоха ее прячет. И как же важна в этой ситуации позиция взрослых! Не только взрослые, к сожалению, не всегда все видят — надеются на «импульс», а иногда и видят да не видят

или делают совсем не то, что нужно делать в подобных случаях.

«Столько переполоха, глубокомысленных рассуждений — все из-за одной черепахи?! Эка, хватили, делать вам нечего!» — скажет иной скептик, склонный к «более серьезным проблемам».

Дело-то ведь не в черепахе (хотя и черепаху следует пожалеть): дело — куда сложнее — в человеке. Так же, как и там, в парке Павлика Морозова, все было на грани мучительства, если не сказать садизма, — а можно ли оставаться спокойным, если на глазах у тебя дают победы такие отвратительные свойства человеческой природы, как бессердечие, жестокость!

Я знал одного, которого не устроил цвет черепаший панциря — зеленый, и он решил перекрасить черепаху в голубой. И перекрасил. Масляной краской. А после этого черепаха издохла. Ее не устраивал голубой цвет. Здесь не было мучительства как такового, обдуманного, на который сознательно шел экспериментатор; было другое — непонимание природы, невежество. Парень не

знал, что черепахи дышат через панцирь (то есть не только через панцирь, но и через панцирь, как мы дышим всю поверхность кожи); а когда краска залепила панцирь, дышать стало нельзя, и черепаха погибла, как погибли в страшных мучениях древнеримский мальчик, которого поставили во время какого-то празднества в виде статуи, и для полноты сходства покрасили бронзовой краской.

Мы упомянули здесь про дыхание всю поверхность кожи; да будет позволено сравнить — точно так же дышат наши мускулы фибрами своего существа мы вбираем в себя дурное и хорошее, что есть вокруг.

К счастью, в фильме о черепахе, в отличие от просмотренной мною истории с черепахой, все заканчивается благополучно. Нашлось много добрых людей. Девочки, добрый чудак-профессор, даже выстиранный совсем не заслужившему это Диденко грязную башку, добрые танкисты. С помощью верных друзей сбежал из больницы Вова Васильев, Йога, чтоб спасти свою любимую ракету. Он был также добрый мальчик.

Побеждает добро — оно должно побеждать, всегда! Снова утро, снова все спешат в школу. Вроде и не происходило ничего, не разворачивались никакие драматические события, растревожившие нам душу. Ничто не изменилось. А может, изменилось? Может быть, мы, взрослые, стали чуточку мудрее? И умнее, лучше стали наши мальчишки — Диденко, Манукян, а Васильев по прозвищу Йога, милая девочка Самочина (она — Самохина, но ведь дети любят переделывать имена и фамилии в нелепые клички, давать всем — и предметам и людям — забавные названия)?

Я не сказал, как юные зрители смотрят «Внимание черепаха!» Не отрываясь, вздохом, с восторгом. Борются за спасение неприметной черепашьей жизни захватывающе, они ерзают, вскакивают со стульев и кричат: «Скорее! Скорее! Да вот она!».

СЕБЯ НАЙТИ ВО ВСЕМ ЖИВУЩЕМ...

Картина считается «детской», но не зря во вступительных титрах говорится, что она — «для самых маленьких».

детей, для их старших братьев и сестер, для пап и мам, а также бабушек и дедушек».

Так для чего нужна черепаха? Уж наверное не для того, чтобы проделывать над терпеливым безобидным созданием ненужные и вредные опыты...

Следует задуматься, почему жюри международного кинофестиваля присудило картине «Внимание, черепаха!» Большой приз, а иностранная пресса писала, что им, за границе, остро не хватает таких фильмов? И почему именно Западу (а в понятие «Запад», как известно, входит не только Западная Европа, но и Америка, и вообще буржуазный мир) особенно нужны такие кинопроизведения?

Впрочем, мое мнение: нам они нужны не меньше. Если Западу они необходимы как средство для обуздания и усмирения чудовищного джина, джина насилия и жестокости, выпущенного из бутылки, то нам — как профилактика от этих злых пороков.

...Перед глазами у меня внезапно возникают страшные ползущие слепые черепахи Бикини, потерявшие вместе со зрением инстинкт ориентировки, они ползут прочь от моря, в глубь острова, чтоб погибнуть там от голода и жажды, несчастные безмолвные мученицы несчастного острова в Тихом океане, опустошенного, выжженного чудовищным атомным взрывом; и — вслед за тем — благородная земля Вьетнама, жестоко израненная, но не сдающаяся земля, перепаханная бомбами американской военщины. Нет, нет! Земля должна благоухать, цвести, рожать. И мы надеемся, что земля залечит раны, снова оденутся зеленью поля, зашумят листьями пальмы, оживут джунгли, тропические чащи наполнятся голосами птиц и зверей. Но для этого надо их любить, любить всех, какие ни на есть.

КОГО ВИНИТЬ?

Как-то «Комсомольская правда» обнародовала такой факт: два паренька, «не из трудных», а напротив, «дисциплинированных, хорошо работавших на заводе, попали на взрослого человека, потому что он при них стал

избивать свою собаку». Побуждения, вроде бы, благородные, и тем не менее как к этому относиться? При чем подчеркивала газета, «случай характерный. Говорят: какой возраст, прямо не знаешь, что от подростка ожидать. Откуда в нем эта грубость и невоспитанность?»

Драться всегда плохо, особенно, когда утверждается какая-то правда. Разумеется, негоже младшим позывать кулаки старшим. И все-таки, может быть, ребята не так уж виноваты, их нельзя ругать (хотя и хвалить нельзя)?

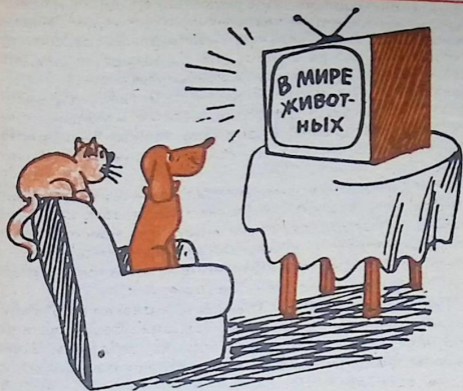
«Такой драматический возраст...» — сетовала газета (так назвали и статью). А только ли в возрасте дело?

Помню, разгорелся спор. «Как же можно! За собаку — человека?!» — возмущались ортодоксальные защитники нравственности. Другие приняли сторону ребят. А мне это напомнило одну историю.

...Щенок приبلудный. Трамваем отрезало лапу. Ребята подобрали. Живет в подъезде. Там они оборудовали ему уголок, положили подстилку, кормят, заботятся. Щенок никому не мешает; напротив, все играют с ним, приносят объедки со стола.

Один жилец — пьяница — его невзлюбил (собака лаяла на него, собаки не выносят пьяных). Однажды жестоко избил его, когда щенок тявкнул. Ребята отняли щенка. Произошла безобразная сцена, в которой, очевидно, не лучшую роль играл этот жилец. После, когда выяснилось, что пес окривел, — образовалось бельмо, — ребята пригрозили соседу, пообещали расправиться. И держали слово: выходит — в него летят камни. Несколько дней боялся из дома нос показывать. Кончилось тем, что съехал с квартиры.

Кого винить? Кто спровоцировал несовершеннолетнего на грубость и самосуд, если пьянчуга нанес им чувствительную обиду, оскорбил в лучших чувствах, а никто из взрослых не пришел к ним на помощь, не поддержал вовремя не обуздал негодяя и не помог торжеству добра? Сколько подобных случаев происходит каждодневно в коммунальных дворах! И ведь ничто так не ранит ребенка, не наносит ему такой душевной травмы, как явная несправедливость, попрание законов совести и чести.

Могут сказать опять: как же так — из-за щенка? Кто дороже — щенок или человек?

(А есть ли тут человек, которого следует защищать? Избитое мнение, что человек всегда дороже. Человек дороже тогда, когда он действительно человек! Хотелось бы возразить в ответ; но это не для ребят и оставим пока при себе.)

Наконец, могут сказать и так: а что изменилось бы, если б не стало щенка? Какое это имеет значение? Имеет, имеет! К счастью, в данном примере, собака осталась, но чаще бывает наоборот — животное приносится в жертву какому-либо ненавистнику, и взрослые остаются глухи к детским призывам, а иногда даже поступают демонстративно наоборот.

Тогда — еще одна история.

Ребята, большие ребята, бросили кошку в яму, камнями перебили лапку; маленькие ребята ее спасли, вырвали, лапку связали с помощью палочек — наложили шину — срослась.

Стали держать в подъезде. Умилительная, пронзающая сердце картина: от детского игрушечного сервиза чашечки, плосочки: девочки натащили. Все для кошки. Не пожалели!

Появились котята — радость у ребят была несусемая!

Всех котят разобрали по рукам. Кошка знает жильцов. Увидит: «Мр-мр». Встречает! Разговаривает. Общая любимица.

Как-то в подъезд зашел один из тех, кто бросил кошку в яму, а после, в погибающую, пулял камнями. Мальчик долго смотрел, как младшие ребята возятся со своей питомицей. А она уже давно забыла зло, подошла, потрется об его ноги. Наверное, он и сам не знает, как пошло, что он нагнулся и взял ее на руки, погладил. И все, парень стал неузнаваем.

Вероятно, должна в сердце открыться какая-то отдушина...

Теперь он, не стесняясь насмешек своих близких друзей, мог часами нянчиться с кошкой вместе с мальчишками. Мать говорила: и дома стал другой, добрее, мягче. А то ведь не было сладу. Куда ходит, с кем ходит, делает — неизвестно. Со всеми резок, на каждое замечание — грубость. И вдруг такая перемена!

Домоуправление потребовало убрать кошку из подъезда. И тогда этот парнишка — именно он! — взял ее к себе.

Правда, доверили ему ее не сразу. Тут же в подъезде состоялось собрание, шумное, звонкое, горластое. Говорили, как воробьи, порой обсуждающие коллективно в ветке какие-то свои воробьиные дела. Каждый старался перекричать других. Наконец, воцарился порядок. И тогда по справедливости решили: отдать. Миша исправился. Повторяю, решили по справедливости (девушки всегда справедливы). Я глядел на это собрание и думаю, что уже ради него одного стоило брать кошку в подъезд. Детское самоуправление — самое честное и беспристрастное самоуправление. Нам бы, взрослым, порой поучиться заимствовать у ребят. (Не потому ли у французов бытует поговорка: «Ребенок — отец взрослого».)

Прижимая кошку к себе, как самую большую драгоценность

нность, парень понес ее домой, сопровождаемый многочисленным эскортом мальчишек и девчонок. Счастлив — необыкновенно! Он даже не мог этого скрыть, да не пытался скрывать.

Ну, и с тех пор, из школы вернется, еще с порога рвается. где Мурка? Уроки готовит — она на сто...

Вывод? Он ясен... И еще одна история.

Ребята прибежали со двора и с восторгом сообщили: «Белку нашли!» Какую белку? Оказалось, сама пришла на двор, прыгала по забору и позволила легко себя поймать. Откуда она взялась? Убежала ли из зоопарка (зоопарк в нескольких кварталах) или кто-то принес из леса и выпустил? А может, ручная... Белку взял сосед. У него маленький ребенок — сказал, для Валерика.

А уже на следующий день ребята вернулись со двора опечаленными: белку — убили. Кто убил? Да сосед и убил. Белка прыгнула в кровать, оцарапала Валерика. Валерик в слезы, мать закричала: такая-сякая, вщат в дом всякую нечисть! Отец разъярился, схватил его под руку попало, и... зверька не стало.

Надо ли удивляться, если Валерик, выросши, будет рагом животных? И не придется ли нам однажды в газете прочитать: гражданин такой-то в парке убивал елок, а когда прохожие и дружинники пытались пригнать его к порядку, товарищ пустил в ход кулаки (так сказать, ситуация обратная в сравнении с той, о какой общала «Комсомольская правда»)...

И еще...

Жила-была старушка... Нет, не в сказке, не созданная воображением, а самая настоящая, реальная, как мы, с обычными радостями и горестями, — Аграфена Ивановна. Жила тихо, скромно, никому никаких неприятностей не делала, людей не обижала, и люди относились к ней хорошо.

Нелегкая жизнь выпала на долю Аграфены Ивановны. Она схоронила, когда была еще молодая; единственного сына Васю отняла война. И пришлось коротать век без близких, без родных. Чтоб не быть совсем одной, она обрала однажды на улице котенка — вырос кот Проня стал ее единственной отрадой.

и ДОБРОТЫ

Родину надо любить с лесами, полями, реками и горами. Только тогда проявляется у человека большая верность и большая любовь.

М. КАЛИНИН

Общение с природой прибавляет силы, очищает душу, наполняет сердце.

Академик Е. ЛАВРЕНКО

Этика — это безгранично расширенная ответственность по отношению ко всему живущему.

А. ШВЕЙЦЕР

Как охотник, я, конечно, чувствую больше жалости к убиваемым животным, чем люди, живущие далеко от природы: им очень легко и просто жалеть, потому что очень много рук пройдет мясо животного, убитого мясником, пока оно попадет жалостливому человеку на стол в виде котлет.

Я чувствую жалость к самкам больше, чем к самцам, к четвероногим больше, чем к птицам, и к крупным птицам больше, чем к мелким. Словом, чем ближе животное к человеку, тем больше его жалеешь.

От представления своих мучений жалеешь животное, а так просто без сострадания к человеку, наверно, не может быть сострадания и к животному, и для возбуждения жалости непременно должно быть подобие человеку. Я могу пожалеть и бабочку, и мельчайшего жучка, но при условии видимости, а знание не дает никакой жалости: я безжалостно одним глотком или движением пальца уничтожаю миллиарды микроорганизмов.

Жалость наживается с годами, потому что с годами наживается и опыт страдания.

М. ПРИШВИН

Ну, правду сказать, и кот такой — всем котам кот. Милый да ласковый. А уж чистюля! — только то и дело, то моется. Поглядишь — песню заведет, мурлычет на весь дом. Привыкла к нему Аграфена Ивановна. Без него обедать не сядет; в магазин пошла — первым делом рыбку Проне купить. Все Проня да Проня. Ночью тарому человеку не спится, Проня в ноги к хозяйке ляжет; лежит теплый — и ей теплее. Не только телу — уше теплее.

И вдруг занедужил Проня. Невеселый стал, не моет, ничего не ест. А чтоб побегать, поиграть — и думать перестал. Что сделалось, непонятно. В короткий срок стал будто и не Проня вовсе. Шерсть раскосматилась, глаза слезятся, худущий.

Все жалели Проню. Соседки приходили спрашивались: как? не полегчало ли? Аграфена Ивановна с ног сбилась, старалась спасти своего любимца. Приглашала знакомого ветеринарного фельдшера, он пришел, посмотрел, прописал лекарство; только проку от него никакого не получилось. Зря мучили Проню — вливали силком в рот. А когда Проня уже был при смерти, выяснилось: под шерсткой живот перевязан тонкой проволокой. Ее и не увидишь! Проволока врезалась — гангрена.

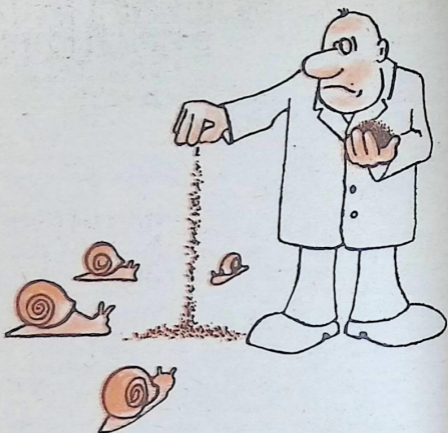
И Проню жалко. А еще больше Аграфену Ивановну: осталась горемычная совсем одна. Кто это сделал? Зачем? У кого поднялась рука погубить животное и жестоко обидеть старого человека?! Тоже «опыт»? Целили в Проню — попали в Аграфену Ивановну...

«УБИЙЦА!»

Это страшное слово с большим знаком вопроса — плакате, стоявшем при входе во Дворец культуры «Весник», сразу бросилось в глаза, когда мы приехали в поселок Заречный Белоярской атомной электростанции. «Убийца?» Убийца или не убийца?

За несколько дней до этого мне позвонил по телефону незнакомый и сказал: у них, в городке Атомной станции, произошел неприятный случай — один человек укусил собаку. Нет, не совсем убил, собака пока жива, но

и доброты

в очень тяжелом состоянии и не известно, выживет ли. Происходило все это в присутствии детей. Оператор любительской диастудии «Стоп-кадр» при Дворце культуры «Ровесник» засняли виновника события и некоторых свидетелей, записали показания детей на пленку, и теперь общественность поселка хочет провести публичный разговор на эту тему. Нет, не суд еще, хотя о товарищеском суде тоже идет разговор, а что-то вроде широкой дискуссии, с участием ребят и взрослых.

Что ж, мне не впервые слышать о подобных дискуссиях и участвовать в них. На сей раз порадовало редкое единодушие, с каким отнеслась к ней вся общественность Заречного.

— Поддерживают все, — говорил вежливый негромкий голос. — Когда рассказали начальнику станции... а он у нас человек властный, его слово закон... он сразу ска-

ал, что так оставлять нельзя. Поддерживают партком, профсоюзная организация. Единственно... — тут голос смолк, — тормозит председатель поселкового Совета. Он не то, чтоб возражает, но... Говорит: зачем? Могут понять не так. Можно обойтись и без шума...

— Ясно, — вставляю я. — Ведь в вашем поселке производились отстрелы животных на улицах. Делалось, безусловно, с ведома председателя.

— Да, было. И мы знаем, что он выдавал удостоверения на право отстрела...

— ...хотя стрельба в населенных пунктах категорически запрещена!

— Совершенно верно. У нас есть на примете еще несколько человек, мы их всех знаем. Один стреляет под окнами и сдирает шкуры во дворе, тоже на глазах всех. Обтянул собачьей шкурой седло мотоцикла и разъезжает. Ребята на него пальцами показывают. Вот мы и хотим поговорить обо всем этом...

— А виновник торжества будет?

— Будет. Обязательно будет. В милиции сказали: если не явится, приведем. Милиция тоже поддерживает.

Значит, и милиция — за. В милиции работают умные люди, психологи, кто-кто, а уж они-то знают, откуда что происходит, где гнездятся корни различных правонарушений и преступности.

В зале человек триста. Много ребят, пионеров с красными галстуками, больше — девочки. Они расселись в первых рядах; взрослые — позади, как бы уступая первенство младшим, приглашая их тем самым к активности, выступить и говорить не стесняясь.

Меня несколько смущало: дети — можно ли при них обо всем говорить? Например, об убийстве. О жестокости. И тут же сам себе твердо сказал: можно. И даже нужно. Дети в наши дни развиваются быстро, много знают и видят. Дети поймут все. Надо только уметь правильно рассказывать. И, кстати, не надо прятать от них изнанку жизни, теневые стороны действительности, — надо научить отличать дурное от хорошего. Молодые должны расти борцами. А для этого нужно воспитывать в них ненависть ко всему скверному, неприятие того, что уродует жизнь.

Собрание открыл молодой мужчина, тот, что з мне. Он оказался и главным организатором. Инд с Атомной. И руководитель любительской с «Стоп-кадр». И добровольный ревнитель природы ловеческой нравственности. Мне кажется, соеди всего этого в одном человеке весьма симптомат

Гаснет свет, и в зале, как шорох, голоса детей. ца?.. не убийца? нет, убийца! Конечно, убийца... с те, не убийца?! Раз он хотел убить, значит, уби Это запись ребячьих разговоров. Происшествие го обсуждалось на улице. И, замечу сразу, меня с порадовало, что наши, советские дети оказались категоричны в оценке содеянного, сумели тотчас смотреть зло и произнесли ему приговор. Возмо среди них были Манукяны и Диденки, однако, они, чиняясь общему настрою, тоже дружно возмущали протестовали.

А вот и они сами, обвинители и пострадавшие, ис на экране. В серии диапозитивов разворачивается с ный рассказ о Мухтаре. Нет, это не тот Мухтар, вер помощник Глазычева, что был в фильме «Ко мне, М тар!», но тоже Мухтар, общий любимец детворы речного. Он не отходил от ребят, без него не игра ни одной игры. Можно было подумать, что пес сп ально создан для того... За что же его молотком голове? А вот и он, бедняга, крупным планом, гол забинтована, лежит, один глаз совсем не открывае запах... Выживет ли?

Зажегся свет. Начинается обсуждение.

Выступают активно. Снова дети. То один, то дру тянет вверх руку и бежит торопливо на сцену. С понимают: тот, кто покушался на Мухтара, будет до зывать, что Мухтар плохой, от него надо было избав ся, и сразу отсекают пути для лжи.

Какой же он плохой: «За кошками гонялся, но их не грыз.»

«Никогда не кусал маленьких, также и больших.»

«Усыкать нельзя, мы знаем, но мы и не усыкали»

«Мухтар — он очень хороший...»

Устами младенцев глаголет истина!

Формально это не суд: скорее просто коллективн

повествование о событии, проиллюстрированное диафильмом. И все-таки это суд. Суд общественности, точнее общественной совести над тем, и даже над теми, кому все еще невдомек, что к человеку ныне предъявляются повышенные требования, и что можно было делать вчера, сегодня — позор, заказано на вечные времена.

Дети кладут заявление с требованием наказать обидчика их друга Мухтара. Под заявлением 117 подписей. Это они организовали сами.

И заявление — от взрослых. Взрослые солидарны с ребятами.

Кстати, а где обвиняемый? Он — в зале, сидит в четвертом ряду. В сапогах, в робе, стриженный, с мутноватыми глазками, средних лет. По фамилии — Созинов. Офис. Живет здесь, а работает в Косулино, в селе. И наоборот (я не понял). Он вызывал неприязнь уже тем, что сидел развалиясь, с таким видом, который ясно говорил: не понимаю, что, собственно, произошло, зачем меня привезли сюда? (Его, действительно, привезли, «яли» прямо с работы, переодеться не успел).

Инженер Костюковский — вдохновитель всего дела — сказал, все так же спокойно, обстоятельно, не повысив голоса: когда пытались объясниться с Созиновым, он не пожелал разговаривать, а сразу обложил трех-

и ДОБРоты

этажной бранью (одно идет с другим). Говорят, чакко прикладывается к бутылке.

Думали, что он не дастся сфотографироваться, отворачиваться или закрываться. Ничего подобного жалуйста! Он словно не видел фотографа, и тот «печатлел» его, как говорится, и фас и профиль. Здесь сидел в такой же независимо-подчеркнутой равнодушно поглядывая по сторонам. Но равнодушие это было напускное, и надолго его не хватило. Со встопорился, потребовал дать ему высказаться и вышел на рампе.

— Меня тут называют убийцей. Докажите, что я убивал. Ну! Не докажете! — и через несколько слов Я ее прикончу. Все равно... — Высказался достаточно ясно. Я думал, он будет оправдываться. Он и не начал. Закоренелый.

После попросили слова его мать и жена. Тут открылось ханжество и елей. Мать плакалась: «Вот во двор, двадцать пять ребят и Мухтар, двадцать пять. Я реву, боюсь пройти, а он на меня прыгает...» Не было, кого она боялась, детей или Мухтара. Двадцать пять ребят дружит с псом — она одна не дружна с псом. Все его не боятся — лишь она, несчастная, боится. Прыгает — значит ласкается! Допускаю, бывает панический страх перед собаками (у тех, кому с малолетства внушили его; таких чаще всего и кусают собаки, однако не Мухтар — он добряк!); но значит ли это, что можно запретить ребятишкам водить дружбу с животным, лишить их радости общения с живым, обеднить духовный мир детей! Я смотрел на нее и меня подмывало сказать, бабушка, бабушка (а она, действительно, бабушка у Созинова дети), спокон веку старые люди учили молодое поколение житейской мудрости, а чему научили ты своих внуков! Старуху поддерживала невестка. Смотреть на них было противно, зал шикал, с мест слышались негодующие возгласы. Эта троица представляла разительный контраст со всей остальной аудиторией, которая же внешне. Напахнуло чем-то замшелым, дремучим, давно ушедшим, отвергнутым всем ходом развития нашей жизни.

То, что Созинов бессердечный человек (он подтвер-

дил это сам), еще не самое страшное. Страшно — какие семена мог посеять он своим поступком, какой урожай собрать...

Представляю эту сцену. Он позвал Мухтара. Мухтар — доверчивый, ни к кому не питающий зла — пошел. Вероятно, даже завил хвостом. И тогда этот (не хочется называть его человеком) ударил молотком. Подлость и предательство.

Говорят, плакали его собственные дети, умоляли по-

щадить животное, но это ничуть не умилило. Не захотят ли они потом, повинувшись издревле вед нас чувству подражания, повторить урок своего п

Глухота к животному — не такой уж редко встр щийся порок, тем более нельзя оставлять его бе мания. Запоздалый диагноз — всегда гибель бол Будем чуткими врачами и последуем золотому пр болезнь легче предупредить, нежели лечить.

История свидетельствует: царевич Дмитрий унас вал жестокость отца — Грозного. Восьмилетним мал кой развлекался тем, что бил палкой кур, пока о околевали, наслаждался сценами убоя скота. Л снежные фигуры, давал им имена наизнатнейших и после рубил головы...

«Человека долго рожать и растить, а убить — ск скорого»... (Чингиз Айтматов). «Убить» имеет два с ла: можно уничтожить физически, а можно и оста живым, но разложить нравственно, растлить, и это будет его конец.

Слушаю. А в голове:

Об этом предупреждали еще Мишель Монтень. Крупская...

И уверенность Паустовского: «Я точно знаю, что ловек, избивающий или мучающий собаку, — отпе негодяй, даже если собака его за это простила... Лис те собак. Не давайте их никому в обиду. Они отве вам троекратной любовью».

И мысль Куприна насчет того, что взрослые ча даже не предполагают, насколько дети и животные бл ки друг к другу...

И что у бабушки Аграфены Ивановны ее кот Про наверное, был бы жив и по сей день, если б не бы мерзких мучителей, а были как эти сидящие в зале столь категорично и непреклонно отвергающие всяк житейскую грязь подростки и взрослые, жители нов социалистического города Заречного. Цел был бы Пр ня — не пришлось бы плакать старушке...

Городок Окуров — он еще жив, он существует. И начинается именно с этакого вот, с глумления над ст бым и беззащитным. Напомнить, как молодой Горьк

росился с кулаками на дворника, который на его глазах стал убивать собаку?

Нас убеждают: есть бродячие собаки, их надо отлавливать. Да, надо. Но зверствовать никому не дано (и, кстати, Мухтар не бродячая, у него был хозяин, и все об этом отлично знали).

И, конечно, меня радовало, что присутствующие в зале дают такой решительный отпор попыткам обелить, выгородить виновного, радовало, с каким вниманием они обсуждали случившееся в их поселке, их единодушие; радовал уже сам факт обсуждения.

А свидетели продолжали говорить. С гневом и негодованием. Дети и их папы и мамы. Пионеры и педагоги. Инженер и врач. И снова подростки, девочки с красивыми галстуками на шее...

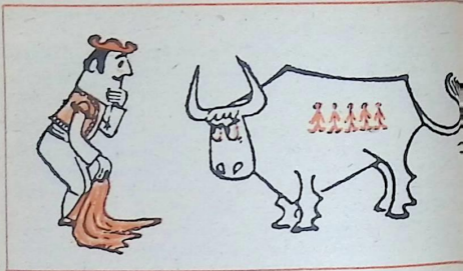
Итак, считать ли преступником человека, отнимающего жизнь у другого, низшего, существа (низшего — потому, что он стоит ниже на зоологической лестнице, но отнюдь не потому, что он ниже, хуже, одержим дурными помыслами)? Убийца или не убийца — пытающийся уничтожить живое вот так, как это хотел сделать Созинов, без всякой видимой причины, молотком по голове?

Есть убийство вынужденное: человек вынужден убивать животное себе в пищу. Это не убийство — необходимость, обусловленная историческим ходом эволюции. Она отпадет, когда мы научимся производить продукты питания промышленным путем и обходиться без мяса других существ. Однако и в это вынужденное убийство лучше не втягивать детей. Что же говорить о том, когда взрослый в присутствии многочисленных свидетелей-малолеток хладнокровно убивает верного четвероногого друга! Кто он?

И снова, как шелест, нежные детские голоса: убийца... виноват... «Мы не уважаем таких и не хотим, чтобы они жили в нашем красивом поселке»... Приговор ясный!

В этом зале я подвел черту и под тем вопросом, что поставила «Комсомольская правда» в случае с жестокосердным хозяином (не хотелось бы называть его садистом) и двумя подростками.

«За собаку — человека?!» Позвольте встречный вопрос: на ваших глазах некто будет истязать преданное

существо, может быть, пока не замучит или искалечит, а вы будете спокойно взирать на это? Увещевания не слушает (как Созинов), милиции рядом нет. Чит — пускай... вы будете разводить беспомощно руки или сделаете вид, что это вас не касается, и величественно удалитесь? Равнодушие — худший вид предательства. Ребята надерзили, зато они были принципиальны, не шли равнодушно мимо зла. (Молодцы ведь, конечно молодцы! «Не педагогично» говорить так? А лицемерить — лучше?)

Сами толкаем ребят на предосудительные выходы, топчем их чистые чувства и светлое, радостное видение мира, а потом они же виноваты?! Чувства у ребенка ведь открытые, прорываются бурно. Можно ли порицать за это? А не лучше ли делать так, чтоб не вызывало столкновение с окружающими? Обвиняю взрослых подростков, не молодежь. Только взрослых — нас.

И чему мы хотим учить наших детей — непротивлению злу? Какими хотим видеть их: трусливыми, беспринципными добрячками? Давно пора понять: добро не слабость, а сила, и только по-настоящему смелый, решительный человек способен (или, как выразился известный литератор), может позволить себе роскошь быть добрым, и от этого притягательная сила доброты только повышается... А доброта должна быть именно притягательной! Учитесь творить добро и учите этому своих детей.

смену. Непротивленчество вообще не наша жизненная концепция, не наша философия.

«За собаку — человека?!» — ужасаются моралисты. Ханжи, скажем прямо. Человек — неприкасаемое существо! А почему человек может обижать всех? Сильнейший! Кто дал ему такое право? «Сильные — всегда добрые», — говорил Горький.

Нет, я не зову к кулачным боям между младшими и старшими, но, безусловно, я за то, чтоб молодежь была изнутри враждебна всякой мерзости, подлости, несправедливости и лжи, касается ли это животных или людей, и чем раньше она окажется подготовленной к этому, тем лучше. Пусть она растет непримиримой ко всякому злу, а наша обязанность, наша — взрослых, помочь правильно разобраться в сложных явлениях окружающей среды.

Для всех людей будет польза, только польза, и не умалит то человека ничуть, если мы иной раз примем сторону животного.

Я уезжал из Заречного окрыленный.

Поселок Заречный — послевоенное детище уральцев. Поселок — чудо. Нет, он очень скромн, в нем нет никакого особого шика, блеска. Но все ладно, разумно, радует глаз и наполняет душу гордостью за созидательную деятельность советского человека.

Белоярская атомная станция — сокращенно БАЭС — первая в стране крупная атомная электрическая станция в стране и в мире. Первенец мирной атомной энергетики она, казалось, даже видом своим утверждала нечто такое, чего не было раньше. Непривычно ново по облику выглядят две полосатые трубы на главном корпусе, как две заостренные кверху иглы, проткнувшие голубизну неба и видные над лесом издали (кстати, из них ни облачка, ни пылинки; к тому же станция в трех километрах от поселка, между ними постоянно курсирует автобус, перевозящий бесплатно). Рациональная, тщательно продуманная архитектура, и, как бы венчая все, или, наоборот, введение к новому — чеканный барельеф Курчатова на стене перед главным входом с его словами, что он счастлив тем, что рожден в России и служил советской науке...

Новая, наисовременнейшая техника, пришедшая с юга в район старинного кержацкого села Белоярки, поразила и новый, резко отличный от прежних уральских водских поселений, тип города.

Пожалуй, здесь я впервые ощутил, как хорошо называются нынешние устремленные ввысь «девятэтажи» (так называемые, точечные высотные дома) со стройными и прямыми, как свечи, соснами, со всем естественным природным обрамлением, образуя с ним единый ансамбль — новый городской ландшафт. Они словно встали, как говорится, на равных с деревьями. Удачная планировка рождала ощущение уюта; ни суеты, ни суетности. И — чистота, чистота, на улицах, в помещениях, в магазинах, в кафе; ослепительная чистота повсюду.

На самой Атомной эта чистота была возведена в культ. На всех белые отутюженные лавсановые халаты. А когда выходишь — встаешь перед аппаратом, вроде как взвешиваешься или тебя просвечивают рентгеном (последнее сравнение, пожалуй, вернее и по смыслу и по образности), подняв ладони вверх, перед небольшими застекленными окошечками: автомат безошибочно определит даже малую степень загрязнения, застучит, рассердится, вспыхнет красное табло «ГРЯЗНО» — и пропустит, точнее — не выпустит, не откроется дверь. Все в порядке — щелчок, можешь идти...

И подумалось: вот под таким же нелицеприятно строгим и доброжелательным одновременно фильтром просматривать все людские дела, чтоб ничто дурное не коснулось человеческого сердца, ничей помысел не сквернил души... Всякую грязь — вон! Новый город — рожествуют новые обычаи. Не надо тащить за собой старое!

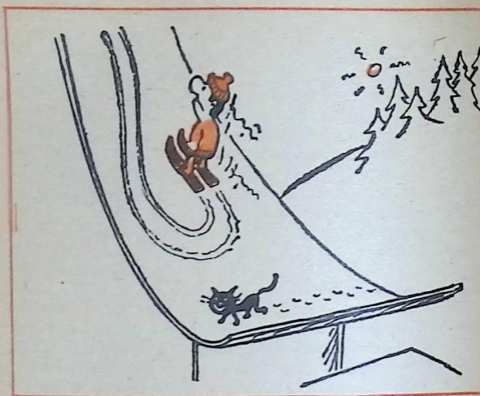
УЛИЦА УЧИТ

Яростно сигналив, по улице промчалась желтая, как канарейка, юркая милицейская машина, за ней потянулась длинная колонна автобусов, на переднем был прикреплен видный издали транспарант «Осторожно — дети!» Ребятишек везли в пионерский лагерь, за город.

Лéто! Прильнув к стеклам, плюща носы, они тарасили глаза на мелькающие за окнами дома, прохожих. «Осторожно — дети!» На перекрестках останавливалось движение, замирали автомобили, трамваи, и колонна беспрепятственно следовала своим курсом; для того и милиция с ее трубным упреждающим громогласьем, чтоб ненароком не врезался какой-нибудь лихач, не случилось бы (не дай бог!) дорожного происшествия, говоря на языке ГАИ. Люди останавливались и провожали автобусы с детишками долгими взглядами, с просветленными глазами. Женщины улыбались.

Дети — наше будущее, «цветы жизни», какими только ласковыми сравнениями и прозвищами мы не награждаем их. Все дети — наши дети; нет чужих детей, как не бывает чужого горя или лишней радости. А я подумал: детей мы бережем от несчастья — вот так, от всяких путевых неприятностей, не случилось бы аварии; прежде чем выехать, проверим, в порядке ли тормоза у машины, да чтоб шофер был трезв; и чтоб дорога была чиста, и никто не сунулся под колеса. Улица, говорят, полна неожиданностей. А чтоб вот такой же лозунг-предостережение «Осторожно — дети!» да везде и повсюду — и, таким образом, была бы поставлена надежная преграда всему дурному, нездоровому, пачкающему душу и уродующему жизнь; чтоб дети не слышали скверных слов (слова тоже учат) и не видели раскиданных после разгульного воскресенья опорожненных бутылок; и чтоб не происходило на их глазах ссор среди взрослых, безобразных сцен, на кои большие мастерицы еще до нынешних пор некоторые современные кумушки; и чтоб все мужчины являли собой пример мужественности сдержанности, порядочности, а не лезли первыми трамвай, демонстрируя таким сомнительным образом свою силу; и чтоб уважаемые пенсионеры, сидящие день-деньской на лавочках, видели и одергивали мальчишек за то, за что следует одергивать, а не лепили б каждому ярлык хулигана лишь потому; что футбольный мяч по нечаянности залетел в окно, а у девочки, вышедшей погулять с подружкой, твякнула ее болонка...

Есть старая-престарая истина: улица учит. Добру и злу (второму, к сожалению, чаще). Учат сад, газон, цветы

на клумбах, учит воробей на ветке (а еще больше павший в беду, которому надо помочь), голубь под ка-
низом, домашняя кошка, щенок, собака, оказавшие
без присмотра...

Жаль, что еще не все это поняли.

Помню, к нам в Свердловск приехали народный а-
рист СССР Сергей Владимирович Образцов, знаменитый
мастер кукольного театра, человек, объехавший полми-
ра и, как говорится, знающий, почем пуд соли. Неистовый
природолюб, широко известный у нас и за рубежом,
коллекционер-аквариумист и знаток зверей и птиц,
отделяющий «человековедение» от «природоведения»
и «звероведения» (две стороны одной медали), он уже
давно завоевал уважение и горячую признательность
своей ревностной защитой природы и пропагандой
любви к малым сим, населяющим окрестные леса, до-
лы, выющим гнезда под крышей нашего дома. Я не ре-
присутствовал на его концертах: все он начинал с разг-
вора о красоте окружающего мира. Слушать его насла-
ждение. А название фильма «Удивительное рядом» дав-

же стало нарицательным, символизирующим необыкновенную красочность природы, и могло бы послужить своеобразным эпиграфом ко всему неожиданному и прекрасному, что сосуществует вместе с нами.

Свердловская телестудия проводила в ту пору цикл передач на темы воспитания. Пригласили принять участие Образцова. Он охотно согласился — воспитание молодого поколения всегда волновало его. Он припомнил своего отца-академика, которого очень уважал, никогда не продававшего книг и считавшего зазорным так делать, а всегда дарившего их, припомнил семью, в которой рос, об атмосфере уважительного отношения ко всему живому, всегда царившей в ней, затем мысли перешли на двор, и с уст сорвалось убежденное: «Вот тут все и начинается, вот тут все и начинается».

Помню, кто-то в студии после, обсуждая его выступление, проскрипел: «А что, собственно, все?» А всё...

На улице ребенок обычно предоставлен самому себе. Что он видит? И как понимает? Мы не знаем. А какие еще товарищи?

Чаще всего на улице происходит у него первая встреча с бессловесными тварями, и, если ему своевременно не привили нужных понятий, далеко не всегда эта встреча приводит к желаемому результату, вызывает те эмоции, какие необходимы.

Почта часто доставляет мне письма любителей животных. Иногда в них рассказывается об уме и сообразительности бессловесных, их преданности, о том, как они служат нам, но чаще — о бедах и невзгодах, выпадающих на долю «братьев наших меньших», о больших и малых неприятностях, которые одним концом бьют по животному, а другим иной раз серьезно ранят человека. Снова «улица». Вот и опять — пишет, размышляя над фактами (жизнь постоянно дает нам материал для размышлений), М. Мелешкина, пожилая женщина из города Горького:

«Почему я вам пишу? — спрашивает она, и сама же отвечает: — Так только потому, что и я очень люблю животных, люблю каждый стебелек и радуюсь всему этому. Ведь не будь всей этой красоты природы, которая нас окружает, не будь зеленого лепестка или красного,

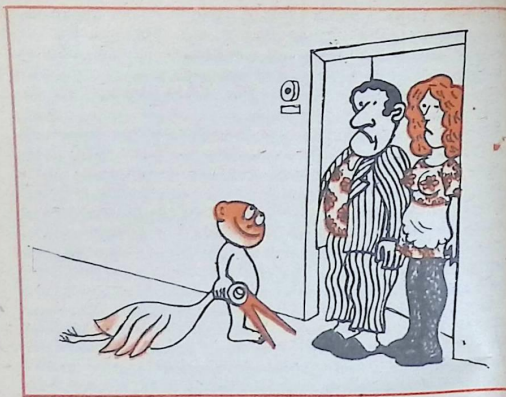
или желтого цветочка, не будь этой ласковой мурлыки или пучеглазого щенка, ласкающихся около ваших ног и устраивающих вам за ваше к ним внимание и заботу забавных «козликов», как бы пуста и однообразна была жизнь, как было бы скучно нашим глазам. А ведь именно от того, что вам приятно, создается настроение и вам как-то легче дышать. Есть люди, которые не любят все это, могут сказать, как, мол, мало мне нужно, чтобы украсить жизнь... Нет, это не те слова. Я вполне согласна, что в первую очередь человек должен быть счастливым от труда, отданного на благо нашей родины, от чувства содеянного им чего-то полезного в более высоких масштабах. Все это так. Однако, согласитесь и с тем, что если его досуг был бы опустошенным, не будь природы. Представьте на минуту: вот вас окружают одни красивые многоэтажные здания, с ажурными балконами, на которых развешано белье и нет ни одного зеленого листа или красного цветочка, нет их и на улице, словно нигде, нет тех плодоносящих садов, которые выращивались ценой многолетнего упорного труда, к которым мы привыкли настолько, что порой даже перестаем замечать, нет всего того, что мы называем зеленым другом. Пусто и некрасиво было бы везде. Или другого нигде ни одного зверька. Да это просто мертвечина, скажете вы. Да. Именно так. Кто поможет нашим малышам понять прелесть мира, как не лепесток цветка или забавная ласковая мурлыка... «Ну, еще лепесток ничего, а вот мурлыку, ну ее прочь, от нее только запах грязи, да еще заразиться чем-нибудь можно», — скажет такая грозная мама. И вот такие мамы забывают, что рассуждая подобным образом, они убивают всякие добрые чувства в своем ребенке, а потом, когда он разозлится в нечуткого и нерадивого, спрашивают, почему он такой к ним невнимательный, кажется, они с отцом отдали ему все. Хуже того, на их глазах сынишка издевается над кошкой или собакой, вывертывает им хвосты, выкалывает глаза, или камнем убивает животное — это воспринимается как должное. А когда этот ребенок, став взрослым, превращается в негодяя и отщепенца, кусает такой родитель локти и недоумевает, откуда

у его единственного сына, им взлелеянного, им же избалованного, взялось такое...

Мне много пришлось видеть подобных вещей, и я до глубины души переживаю все это. Я переживаю не только за обиженного щенка или котенка, которых унижил сильный мира сего — человек, а и за то, каким же будет этот человек, если он не почувствовал боли слабого. Не является ли это причиной, что он вырастает в лучшем случае в черствого человека, пусть даже хорошего специалиста, в худшем же в преступника? Пожалуй, да, и еще раз да. Иногда оспаривают это. Зря! Так уж устроено в человеческой душе: там нет перегородок, и коли у человека большое, открытое и доброе сердце, оно доброе для всех.

Я живу в большом доме с длинными коридорами и множеством лестничных клеток, на которых нет-нет да появится заброшенное кем-то бесчеловечно маленькое существо; это же можно видеть и на улицах. Боль и муки несчастного подкидыша передаются мне, и я почти физически ощущаю его горе и, конечно, как-то стараюсь ему помочь, накормить, кому-нибудь отдать, но последнее удается с трудом или вообще не удается, и, таким образом, обездоленное существо бродит по холодным коридорам, получая пинки и удары, в конечном счете погибая, а я и мне подобные высмеиваются и получают прозвище «ненормальных» и «кошачьих матерей».

Иногда приходится слышать: «А какая от них польза только шерсть, да еще «наделают», убирай за ним. Меня это удивляет. Почему мы можем убрать за пьяным, нагадившим на этих же лестничных клетках, да вполне разумным, не подвергшимся воздействию алкоголя, который может вытрясти ковер или, вынося мусор, и не дойдя до контейнера, разбросать его по коридору, не очистить ноги, идя с улицы. Ведь это же разумное существо — человек?! Он же знает, что хорошо, что плохо, и все же делает это «плохо»! Как жаль, что среди нас еще много бездушных людей, у которых не дрогнет рука обидеть беззащитного. Я просто недоумеваю: что же это такое? Где же чувства доброты и гуманизма?

Сегодня я получила известие, что вот такие люди написали заявление в санинспекцию о том, чтоб приехали и переловили всех кошек, они, мол, мешают спать и от них антисанитария. А кто их распустил? Ой, как с ними не согласна! Почему же их не беспокоят стуки и грохот машин, крики и песни в ночное время на улицах и в квартирах подгулявших людей, любителей «зеленого змия». Почему их не возмущает грязь, которую они оставляют после себя. Где-то я читала: ценность человека сейчас измеряется прежде всего способностью спасти жизнь, а не истреблять ее... Уничтожить! Да разве это правильно? Мне жаль животных. Кроме того, дети, конечно, узнают об этом. Какой же будет у них осадок? Не скажется ли это на формировании их характеров?

Хочу сказать и о следующем. В прошлом году у нас куда-то исчезли все кошки, и тотчас на смену им появились крысы и мыши...

Человеку необходимо быть справедливым. «Человек — это звучит гордо», — сказал Горький, который

был очень добр и человечен. А Ленин! Разве он не любил животных? Любил; да еще и как. Вот недавно, не помню, в каком кинофильме, я видела — на его рабочем столе кошка. Она, видимо, не мешала ему. Есть фотографии, где рядом с Владимиром Ильичем дети, а с ними кошка.

Я много пережила в свое время тяжелых минут. Знаю чувство голода, холода и нужды. Поэтому особенно чувствительна ко всякой несправедливости по отношению к слабым. Я всегда помогу человеку больному, одинокому, нуждающемуся в поддержке, непримиримо отношусь к нарушителям правил социалистического общежития, к грубости, грязнословию и прочему, но я и сторонник защиты природы, а ведь то, о чем я пишу, это разве не природа?..»

В письме много верного, включая и заключительный, отнюдь не риторический, вопрос. И тревога женщины вполне обоснована. Сколько ошибок мы делаем! Сколько перегородок порой воздвигаем между неловеком и животным, являющимся, как справедливо сказано в письме, частью природы, живой природой!

Ведь придумали же в Харькове установить во всех дворах ящики, чтоб жильцы и дворники собирали туда кошек... Это, что же, специально, чтобы бята лучше прошли школу живодерства? А называем «санитарными мерами», для охраны-де здоровья граждан, необходимая вещь... А здоровье народное — кто о нем должен заботиться? Дядя?

Или — въезжают в новый дом, а домоуправ. заявляет: с собакой не пущу. Может быть, вы и запретите, уважаемый управдом? Я не шучу. Есть те, которыми мешают цветы.

Было же: в одном южном городе предложили всех собак и кошек в обязательном порядке сдать на шкуры.

А еще в каком-то городе, не помню, подросткам запретили показываться с собаками на улицах... Да что же это творится, товарищи?! Соображают ли те, кто отдает такие распоряжения, подписывают «специальные» постановления?!

Регулировать содержание наших домашних спутников

бесспорно надо, но не делая из животных и их владельцев париев, не травмируя чувства и не коверкая психику.

Урон нравственности наносит и неосторожная санитарная пропаганда, призывающая остерегаться животных, способствующая выработке нездоровых взглядов на мир живых существ.

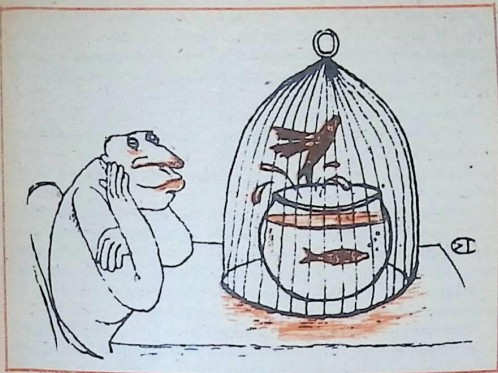
Профилактика болезней необходима. Но — умеренная, спокойная, дальновидная, без всхлипов и запугивания. Не забудем, что нужна и профилактика души, и еще один вопрос, что важнее.

Как-то я пришел к Колиному папе (помните историю с кошкой, которую удалили из квартиры по требованию бабушки). На сей раз речь шла о голубях: Коля убивает голубей. Я надеялся найти у Колиного отца понимание и поддержку, а он вдруг закричал с раздражением: «О заразные, их надо убивать...»

Легко посеять вражду между человеком и остальными существами. И надо ли удивляться после этого тому, о чем поведало письмо из Воронежа: «Живет в нашем доме мальчишка. Приходил ко мне играть с доберманом, уверял, что очень любит собак и даже собирается купить щенка боксера. А во дворе нашего дома ребята устроили конуру маленькой дворняжке, играли вместе с нею. Крутился здесь и этот мальчишка. Но вот какой-то человек сказал, что, вероятно, у дворняжки лишай. Не знаю, что подумал любитель собак, проводивший с конуры довольно много времени, но только он привязал к шее собаки веревку, служившую поводком, отвесил школьный сад и вздернул несчастную собачонку на ереве. Вот и любовь к животным! И откуда только мальчишки такая жестокость?» Написал, между прочим, тоже мальчишка. И подписался: «С пионерским приветом. Сергей Князев». Разные мальчишки!

А что значит: мальчишка повесил собаку?! Не мелочь. Первое соприкосновение с живым — и первое острое ощущение убийства... Куда это поведет?

Может быть, кого-то это возмутит, какой-нибудь сильно уважающий себя гражданин из числа папаш оскорбится за мальчишку: что же, теперь его уже в конченые записывать? И вообще, понабрал товарищ писатель разных историй, целый букет... Для чего?

Поясню, факты, приведенные здесь, собраны не в один день, не в одном месте, но они были, и обходить их, замалчивать — нельзя, вредно. Пусть их не так уж много для такой большой страны и для столь великого многолюдья, как наше, и в общем, наверное, даже было бы странно, если б они не наблюдались совсем (недаром русскими сложена поговорка: в семье не без урода), и все же — нельзя. У медиков есть выражение «не загонять болезнь внутрь». Замалчивание ведет к распространению порока.

Кстати, и о гордости человека и за человека. Не умалит ничуть его достоинства, если укажем на его промахи. Наоборот — возвысит. Очень здорово сказал Ролан де ля Пуап, Герой Советского Союза, бывший летчик, ветеран полка «Нормандия — Неман», а после войны занявшийся изучением дельфиньего языка и дельфиньей природы: «Гордо шагая по ступеням эволюции, человек, кажется, зазнался. Отсюда, видимо, его высокомерное отношение к другим живым существам — обитателям нашей планеты, так называемый зооморфизм...» А ведь и вправду! И вообще давно уже понятие «че-

ловек» стало не биологическим, а общественно-социальным. А мы, советские люди, предъявляем к человеку повышенные требования. Коль он и вправду «венец», так будь «венцом». Нравственный облик стал ныне важнейшим критерием.

Болезни? Конечно, они есть. Так надо бороться с болезнями, а не с животными и не с людьми, любящими животных.

Бесспорно, нравственный урок дают нам бродячие животные.

Обидеть беспризорное животное легче всего, вот тут сразу и сказывается моральный настрой, как подготовлен ты к встрече с незащитным существом, протянешь ли руку помощи, пожалеешь или сделаешь из него забаву, развлечение. Особый соблазн это представляет для мальчишек (девочки мягче, отзывчивее).

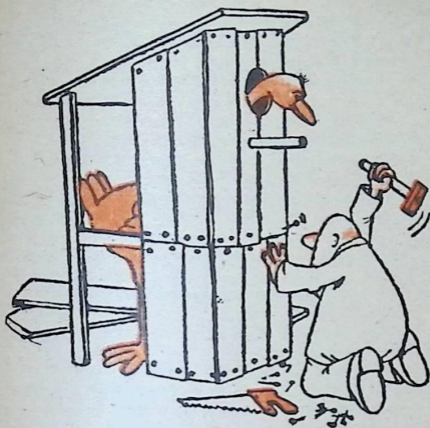
Безусловно, в том, что существуют бродячие животные, повинен человек, только он. Взял животное — держи; стало не нужно — не выбрасывай, а найди дружеские руки, пристрой к месту. Аморально, надо согласиться с Мелешкиной, выбрасывать на мостовую или в чужой подъезд котят, щенят, как ненужную вещь.

Тяжкий грех и ошибка публиковать такие объявления, какое появилось однажды на страницах молодежной газеты «Дальневосточный комсомолец» (Комсомольск-на-Амуре):

«Спецавтохозяйство по очистке города принимает собак и кошек от населения с оплатой за одну собаку 1 рубль, за кошку 50 коп. Приемный пункт: пос. Мыски, л. Омская...»

Отличаются иной раз и разные институты, содержащие виварии.

Иду мимо туберкулезного института, что у нас по соседству, кучка мальчишек прильнула к окну. Что их там заинтересовало? Меня увидели, смутились и врассыпную, разлетелись кто куда. В окне записочка: «Нужны подопытные животные...» И дальше зазывное: кошка столько-то, собака столько-то. (Заметим: делать это запрещено официальным приказом Министерства здравоохранения СССР, но — делается!) Через час прохожу той же улицей, парнишка тащит хорошенькую кошечку.

Оглянулся воровато и шмыг в ворота. Туда, в институт.

«На днях я сидела в одном дворе, ждала знакомую, — рассказывает пожилая женщина, — рядом были мальчишки девяти-десяти лет. Тут же оказалась кошка, серая с белым воротником, красивая, верно, выпустили погулять хозяева. Один мальчик, постарше, говорит младшему: «У нас в лечебнице у барахолки, принимают кошек, давай еще найдем кошку и с этой продадим, сходим на деньги в кино «Победа», там хорошее кино сегодня».

Кошка — мороженое, кошка — кино. Кошка — расчетный знак, денежная единица... Плохо. Очень плохо. Товарищи, дающие такие объявления, не задумывались над тем, к чему они могут привести. Может быть, кошка соседская, может быть, своя, суть даже не в том. Главное, что кошка меняется на удовольствие.

Улица учит. И далеко не всегда так, как мы хотим.

Ну, и наконец, наши повседневные ошибки — взрослых, родителей — которые мы делаем походя, подчас даже не замечая и тоже не отдавая себе отчета в возможных последствиях.

Трехлетний малыш кричит:

— Где мой автомат? Я буду стрелять из автомата птичку...

— А тебе не жаль птичку?

— Нет, я буду птичку кушать.

Оказалось, что отец ребенка охотник.

Москвичка М. Лебедева рассказывает:

«Летом прошлого года я проводила отпуск в одной из деревень Рязанской области. Иду однажды на речку. Слышу раздраженный крик женщины:

— Сережка! Иди отруби голову петуху! Скоро гости придут!

Сережке лет семь, не больше. Он с готовностью бежит к дому.

— Сейчас, бабушка. Где нож?

В другой день слышу:

— Алеша! Алеша! Иди утопи котят в речке!

Алеша сверстник Сережи. Он с восторгом кричит:

— Ур-ра! Ребята, за мной!

Вскоре ватага ребятишек пробежала мимо. В старом ведре они несли слепых котят и разрабатывали план казни...»

Но, может быть, все это не так уж страшно, и я ошибаюсь, сгущаю краски? Не права Мелешкина...

Василий Александрович Сухомлинский, человек удивительной педагогической интуиции и провидец ребячьих душ, в одном из писем ко мне описал следующий случай:

«Есть в моей картотеке жизнеописание и психологическая характеристика 13-летнего Леонида Л. Когда он был маленьким (5—6-летним) мальчиком, мать, идя на работу, поручала ему, казалось бы, невинное занятие — бить мух в комнате. «Мама дала мне хлопушку, покажи, как это делать...» Из одного дня в день ребенок уничтожал мух. Иногда он с радостью сообщал маме: «Сегодня в хате нет ни одной мухи». Бывало, мухи «хитрили», как жаловался Леня маме: их никак не удавалось «при-

лопнуть». Однажды, мать, придя домой, увидела, как сын, сосредоточенный, с радостно пылающими глазами, сидит у подоконника и смотрит, как ползают две мухи оторванными крылышками. Это он «наказал» их за то, что они долго убегали от его хлопушки. Мать погладила сына по головке: молодец! да и конфет купила (очень уж боялась она мух). С того времени охота на мух приобрела иной характер: Леня ловил их, обрывал крылышки и наблюдал, как долго может жить бескрылая муха. Потом мальчик научился надрезать крылышки ножницами, и мухи «жужжали, как шмели» — это очень нравилось. Двенадцатилетним подростком он поймал под крышей воробья и отрезал ему крылышко. Мать, узнав об этом от соседней, осталась спокойна... В школьном коллективе Леонид был из тех, кому «хоть кол на голове теши». Одноклассники увидели однажды, как Леонид ловит бабочек, прокалывает тело, вставляет соломинку и любуется, как бабочка «летает с парашютом»... Об этом сказали учителю, но он не обратил внимания на жестокость (позже, когда Леонид стал преступником, учитель, припомнив этот случай, назвал это «детской шалостью»). По окончании 6-го класса 13-летний Леонид Л. совершил страшное преступление. В жаркий летний день он пошел купаться с 6-летним сыном своих родственников. Купаясь, он утопил мальчика. Просто взял его за шею и придушил, подержав минуты три у дна... Преступление ошеломило мать и учителей. Только после трагедии стали припоминать и анализировать: откуда это взялось? Что могло привести к преступлению? И вот тут-то и вспомнились мухи...» (По этому поводу могут сказать: что же, значит, и мух надо любить? А что вы думаете? В каких-то пределах и до достижения определенного возраста, не исключено... Вспомните «Муху-Цокотуху» Чуковского, разве она не полюбила ребят-там? А комар, так ловко споривший с Бабой-бабарихой? А разве не интересно наблюдать, как муха умывается, чистится? Вот здесь, быть может, и проснется удивление перед живым, восторг, который определяет все действия ребенка и возможно даже повлияет на выбор пути. Пусть вырастая и набираясь знаний, маленький человек постепенно разберется, кто его друзья и кто враги,

кого надо любить, а кого и не надо, не следует. Главное, не надо, чтоб он наслаждался, убивая насекомых. Это не стало для него занятием, доставляющим удовольствие.)

«Я глубоко убежден, — утверждает в другом месте Сухомлинский, — что воспитание любви к живому — одна из первейших задач педагога. Маленький человек должен быть добрым ко всему живому. Только при этих условиях он становится воспитываемым — вот в чем дело. Только доброта открывает ребенку радость бытия, радость человеческих взаимоотношений...»

Никогда не надо смотреть на бессловесные существа сверху вниз, предавать их остракизму и анафеме.

О пагубности подобных воззрений предупреждали многие великие умы прошлого. Плиний Старший, Мишель Монтень, Лев Толстой, Чехов...

На то же указывают Ушинский, Песталоцци. Ту же мысль высказывает Надежда Константиновна Крупская в своих «Педагогических сочинениях», когда вспоминает, что в эпоху царских судов над революционерами дети, подражая взрослым, стали вздергивать на виселицу собак и кошек, а один мальчик повесил сестренку...

Есть крылатое выражение: не всякий подросток, мучающий животных, станет бандитом, но всякий бандит начинает с этого.

Подтверждение? Нужны цифры? Статистика? (неоспоримый аргумент!) Есть и цифры. Московский институт судебной психиатрии провел социологическое исследование: ста осужденным преступникам был задан один вопрос — как они в детстве относились к животным? Семьдесят восемь из ста с удовольствием стали вспоминать, как они убивали и мучили животных.

Другой опрос дал еще более высокий процент ранней зоофобии: 118 человек (из опрошенных 135) истязали в детстве животных, резали, поджаривали живьем, выкалывали глаза, и весьма симптоматично, что лишь в 17 случаях родители пытались остановить, в остальных семьях даже поощряли. Так вот и наступает паралич души, процесс необратимый...

Может быть, кому-то покажется, что на этих страницах описано слишком много всяких мрачных, — «негативных», как мы теперь любим говорить, — случаев. Пусть он вспомнит: ведь речь — о судьбе Человека. Это, разумеется, вовсе не значит, что вокруг все черно, полная безысходность. Напротив! Если говорить о нашей, советской действительности, то она представляет разительный контраст с тем, что наблюдается ныне на капиталистическом Западе; мы добились немало в воспитании нового человека, нам есть чем гордиться; но тем более это обязывает нас быть непримиримыми ко всем и всяческим недостаткам, ко всему, что портит и уродует жизнь, решительно бороться с любыми извращениями общественной морали.

Можно, конечно, проходить мимо теневых сторон жизни, сделать вид, что не видел и не слышал, но...

Спокойствие — душевная подлость, говорил Лев Толстой.

Человек велик, пока он помнит о слабом и беззащитном.

Во многих наших крупных городах — Москве, Ленинграде, Киеве, Харькове, Одессе, Львове, Иванове, Ярославле, Симферополе, и не очень крупных, таких, как например, Ялта, при обществах охраны природы созданы секции охраны животных. А в социалистической Польше есть Лига опеки над животными и совсем нет живодерен. И секции наши, и польская Лига делают доброе, умное дело — защищают и утверждают человеческое достоинство, учат обращению с «братьями нашими меньшими».

Надо, чтоб об этом постоянно помнила школа, пионерская организация. За недостойный поступок, провинность перед бессловесными снимать пионерский галстук перед строем всей дружины. «Помню, в детстве, — делится ленинградка Р., — как-то один наш товарищ повесил кофта. Так мы ему устроили такую жизнь, что ему пришлось уйти из нашей школы, а мать его ходила по нашим домам и умоляла простить ее сына». Что ж, сурово, быть может, но именно поэтому, возможно, благотворно.

МЫ ГОВОРИМ: НЕТ!

В ряде советских союзных республик принят специальный закон об ответственности за жестокое обращение с животными и птицами, карающий за бессердечное отношение к малым сим. Кроме того, издан приказ Министерства внутренних дел СССР № 234 от 22 августа 1967 года, распространяющийся на всю территорию Советского Союза. Параграф первый этого приказа предлагает привлекать к административной, а при отягчающих обстоятельствах к уголовной, ответственности лиц, замеченных в безнравственных действиях в отношении бессловесных, а параграф третий — родителей детей, уличенных в таких действиях. Высоконравственный

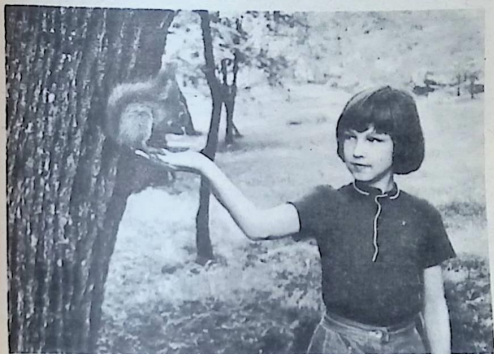
закон и высоконравственный приказ, которые может позволить себе только государство, строящее лучшее будущее — коммунизм!

До сей поры мы еще не сказали о том, что все это имеет самое прямое отношение к делам природы, об охране которой сейчас говорится много прекрасных слов. Как маленький человек будет понимать природу, если его сызмальства не научить любить живые существа? Услышит ли он ее голоса? Нет и нет.

«Охрана живого — норма нашего общества», — написал мне иркутянин В. Тарасов. Правильно написал. Без этого не сберечь природу. Без этого невозможен социальный прогресс человеческого общества. Да, да и еще раз да!

Однако закон — это крайность, последний этап, законы и параграфы разных уложений пускаются в действие тогда, когда ничего другого уже не осталось, проступок или, точнее, преступление против общества и человечности совершены.

Лучше не допускать этого.

Отдел ведет Г. ОСИПОВ

ПРАВО И ДОМАШНИЕ ЖИВОТНЫЕ

Содержание собак, кошек, голубей и других домашних животных регулируется различными правовыми актами. На союзном уровне — Ветеринарным уставом СССР и инструкцией министерств сельского хозяйства и здравоохранения по борьбе с бешенством животных. На республиканском — правилами, принятыми некоторыми союзными республиками. На местном — решениями.

Учитывая, что положения союзных и республиканских актов преломляются, конкретизируются и развиваются в актах местных Советов, рассмотрим порядок содержания домашних животных, установленный в Москве.

Юридически этот порядок определен решением Исполкома Моссовета от 27 января 1972 года «О порядке содержания собак и кошек в городе Москве», утвердившим соответствующие Правила; решением от 16 октября 1973 года «О порядке содержания домашних голубей в городе Москве»; от 1 марта 1976 года «О дополнительных мерах по упорядочению содержания домашних животных в Москве» и решением Моссовета от 6 апреля 1976 года «О соблюдении чистоты и порядка в городе Москве».

В Москве разрешается содержать собак в отдельных квартирах, занятых одной семьей, при соблюдении правил санитарии и гигиены, а в квартирах, занятых несколькими семьями, кроме того, лишь при наличии согласия всех проживающих.

Владельцы собак обязаны ежегодно, в марте-апреле, перерегистрировать их, а вновь приобретенных собак в 5-дневный срок зарегистрировать в ветеринарных лечебницах. Одновременно необходимо получить на них удостоверения и номерные знаки. Номерной знак должен быть прикреплен к ошейнику собаки. Содержание незарегистрированных собак запрещается.

Покупка, продажа, показ на выставках, выводках, ввоз в город и вывоз из него собак разрешаются, если нет карантина и при наличии у их владельцев регистрационных удостоверений и ветеринарных документов о состоянии здоровья собак.

Сторожевые собаки должны содержаться на прочной привязи или так, чтобы исключалась возможность их побе-

Выводить собак на лестничные клетки, во двор, на улицу можно только на коротком поводке или в наморднике. Выгуливать собак разрешается на специально отведенной для этой цели территории. Если же ее нет, то на малолюдных улицах, переулках, пустырях. Граждане не имеют права находиться с собаками в магазинах, столовых, школах, на стадионах, пляжах, детских площадках.

Во всех случаях экскременты собак должны немедленно убираться владельцами собак. Запрещается допускать загрязнение домашними животными дворов, улиц, детских и спортивных площадок, территории зеленых насаждений. Граждане-нарушители подвергаются предупреждению или штрафу до 10 рублей.

Владельцам собак и кошек запрещается уничтожать животных, выбрасывать их трупы или зарывать в землю. При заболевании животных их владельцы обязаны обращаться в районную ветеринарную лечебницу. По требованию последней они должны доставлять собак и кошек для осмотра, диагностики, предохранительных прививок. В случае падежа собаки, кошки их владельцы обязаны немедленно известить об этом ветеринарную лечебницу, сдать труп животного, регистрационное удостоверение и номерной знак собаки.

Запрещается оставлять животных безнадзорными. Такие животные подлежат сдаче в ветеринарную лечебницу или на городскую ветеринарно-санитарную станцию. Собаки, находящиеся без владельца в общественных местах (двор, улица), считаются бродячими и подлежат вылову. В Москве из 100 тысяч учтенных собак в среднем за год отлавливается 24 тысячи. Предполагается, что кошек и голубей примерно по 150 тысяч, а вылавливается их в соответствии 28 и 103 тысячи.

Организации, занимающиеся выловом собак, обязаны содержать пойманных собак в течение 3 дней и выдавать их владельцам лишь при заключении ветеринарного наряда. Возвращаемым собакам делается прививка против бешенства, благодаря чему более двух последних десятилетий в Москве случаев бешенства собак не наблюдалось.

Полученные собаки должны их владельцами содержаться в течение 30 дней в изолированном помещении и по указанию ветврача доставляться для осмотра в ветеринарную лечебницу. Расходы за вылов, кормление, исчисляемые ориентировочно из расчета 350 граммов мяса, 250 — крупы, 300 — хлеба, 400 — овощей в день на собаку, а также за содержание и ветеринарную обработку собак возмещаются их владельцами.

Если собака или другое животное укусит человека (в Москве случаев укуса собаками людей бывает около 4 тысяч в год) или домашнее животное, пострадавший и владельцы укушенных и укусивших животных обязаны немедленно сообщить об этом органам здравоохранения и ветеринарного надзора для принятия необходимых мер. Такое животное подвергается немедленной доставке в ветеринарную лечебницу, осмотру, десятидневному карантину. Затем возвращается владельцу или уничтожается. Собаки, повторно укусившие людей из-за несоблюдения их владельцами правил содержания собак, изымаются и передаются в ветеринарные лечебницы.

Возведение голубиных питомников разрешается только исполкомами районных Советов и должно вестись по проектам. Запрещено самовольное строительство голубятен. Должностные лица, допустившие это, подвергаются предупреждению или штрафу в размере до 50 рублей.

Владельцы голубей обязаны содержать в чистоте и порядке территории, прилегающие к питомнику, соблюдать зоологические и санитарные условия содержания питомника и голубей, сообщать о случаях заболевания или падежа голубей в районную ветеринарную лечебницу, ежегодно (в январе-марте) перерегистрировать голубей и питомник в городском клубе голубеводов, не допускать содержания голубей на балконах, а также выполнять другие предусмотренные решениями Моссовета обязанности.

В Великобритании, Бельгии, Ирландии, Люксембурге, Нидерландах, Франции в законах об охране животных регламентируется проведение опытов с ними. Для проведения опытов на животных необходимо получить разрешение, обязательно применение анестезии. Запрещено многократное употребление животных для опытов.

Закон об охране животных ФРГ (1972 год) включает наказания по содержанию в неволе птиц, торговле ими, транспортировке. Без разумных на то причин животному нельзя безнаказанно причинить боль, вред или повреждение. Лица, содержащие животных, обязаны им обеспечивать уход, нормальные условия содержания, питание. За нарушение этих правил предусмотрены санкции: денежный штраф или лишение свободы сроком до 2 лет.

Законом об охране природной среды во Франции (1976 год) установлены меры по охране домашних животных и диких животных, содержащихся в неволе. Лица, содержащие таких животных, обязаны обеспечивать им условия содержания, соответствующие их экологическим потребностям. Животные должны обеспечиваться пищей, ветеринарным обслуживанием, уходом. Запрещается допускать бродяжничество домашних животных, как нарушающее правила безопасности людей. Содержание домашних животных должно отвечать и другим требованиям, входящим в этот закон и в Сельскохозяйственный кодекс.

За нарушение правил содержания домашних животных предусмотрен штраф на сумму от 500 до 600 франков, лишение свободы на срок от 15 суток до 6 месяцев либо то и другое одновременно. Если правонарушение совершено повторно, то санкции могут быть увеличены вдвое.

«СОВЕТЫ
ДРУЗЬЯМ
ПРИРОДЫ»

«Московский рабочий»,
1977 год

СОВЕТЫ
ДРУЗЬЯМ
ПРИРОДЫ

КАК БЫТЬ ДОБРЫМ?

Много тропинок и дорог проложено в мир природы — это книги, кино, телевидение, работа в разнообразных клубах, обществах, кружках, посещение ботанических садов, зоопарков, живых уголков, музеев, выставочных залов. Одна из наиболее интересных тропинок — содержание животных и растений дома. Ребенок и взрослый буквально захлебываются от восторга, когда в их городской квартире появляется хомячок, зеленушка, морская свинка или волнистый попугай. Хочется расплющить нос о стекло аквариума — так красив и бесконечно богат подводный мир. Любое живое существо, любой цветок, зверек — это неразгаданное колдовство, головоломная загадка, прекрасное творение природы — и вот оно у вас в квартире, ваше, только ваше, и вы можете каждый день вести с ним увлекательные беседы. Но для этого, естественно, нужно не только говорить, но и слушать, понимать собеседника, надо знать его язык, нрав, привычки, как минимум, надо знать, как содержать то или иное живое существо в домашних условиях, чем, когда и как его кормить, чем он чаще всего болеет и как его лечить от этих болезней. Интересным учебником, полезным справочником, ценным пособием для этих целей служит книга «Советы друзьям природы», выпущенная издательством «Московский рабочий».

В чем и как содержать рыб, земноводных и пресмыкаю-

щихся, птиц, млекопитающих, чем, когда и как их кормить, чем они болеют и как их лечить, как ухаживать за растениями в живых уголках — ответами на эти и многие другие вопросы заполнены 286 страниц этого издания. Причем авторы сборника, известные специалисты своего дела, отвечают на все возможные вопросы любителей природы, всякий раз предлагают читателю дополнительный список литературы, советуют ознакомиться с точкой зрения и других ученых. И это естественно. Невозможно собрать в одно издание сведения о всем великолепии животных и растений, о всех их нравах, характерах, все особенности их меню, суточного режима. А каждое живое существо — это свой, огромный мир событий. Например, живет у вас в клетке пара хомячков и хомячиха со дня на день должна принести приплод. Как и чем кормить в это время хомячиху, как поступить с хомячком — будущим отцом большого семейства. Оказывается здесь большую роль играют и размеры клетки, количество и состав питания. Если клетка большая и вы даете хомячкам еды больше, чем они могут съесть (причем, в рацион входит мясо), то хомячка можно не отсаживать, более того — вы сможете понаблюдать за интересными взаимоотношениями самки с самцом в этот период.

Подобного внимания к себе требуют и кролики, и птицы, и рыбы. И «Советы друзьям природы» ответят на многие ваши вопросы, предотвратят различные неудачи в содержании дома белки, ужа или ежика. Особенно обрадуются этой книге те любители природы, которые приобрели для себя редких для нашей полосы животных. Хамелеоны и крокодилы, редкие аквариумные рыбки и змеи, обезьяны и попугаи все чаще и чаще появляются в клетках, террариумах и аквариумах городских квартир. В чем и как содержать хамелеона, сколько он живет, что он любит есть, чем болеет, как его лечить — ответы на все эти вопросы вы найдете в этой книге.

Интересна эта книга и тем, что читается как увлекательные рассказы о животных и растениях, что, прочитав ее, вы не раз еще к ней вернетесь, будете перелистывать, рассматривать цветные фотографии змей, птиц, растений, зверей. А подружившись с этой книгой, вы обязательно подружитесь с ее героями и наверняка у вас в квартире тоже возникнет яркое колдовство — запылают красками цветы, вспыхнут искрами в аквариуме рыбки, распушится, готовясь к ночному сну, в клетке птица. «Советы друзьям природы» помогут вам правильно обращаться с посланцами флоры и фауны. Доброй вам беседы с живой природой.

О. СЕМЕНЕНКО

Александр МОРОЗОВ

«КРАСНОСМОТРИТЕЛЕН ЖЕ И РАДОСТЕН ВЫСОКОГО СОКОЛА ЛЕТ»

Три пары башмаков железных истоптала, три посоха железных изломала, три сухаря железных искрошила в народной сказке красная девица, искавшая по всему белому свету цветные перышки ясного сокола, суженого своего. Столько же тягот понапрасну извели, наверное, и русские люди, почти тысячелетие потратившие на приручение соколиных птиц. Сапсан и кречет, балобан и кобчик, чеглок и дербник... Это теперь их называют хищными и дикими, а прежде долгое время были они пернатыми братьями наших лаек, легавых и гончих, норных и борзых охотничьих собак. Лишь с появлением дробовых ружей прошел опрометчивый слух, будто бы эти птицы — заклятые враги промысловой дичи, и началось их поголовное истребление. Правда, от этого количество уток и гусей, куропаток и глухарей не увеличилось, как ожидалось, а даже и еще более сократилось. Чрезвычайно редкими стали и сами соколы. А ведь некогда все они столь исправно служили людям, что ныне так и хочется называть их не дикими и хищными, а одичавшими...

С незапамятных времен славилась Русь искусством соколиной охоты и изобилием ловчих птиц. Летописцы свидетельствуют, что еще киевские князья увлекались их приручением. Владимир Мономах, например, «в ловчих птицах ловчий и ряд сам держал, и о соколах и о ястребах», а Ярослав Мудрый даже взымал по три гривны с позарившихся на чужого сокола, что равнялось стоимости хорошего княжеского коня. Ловчие птицы всегда ценились очень дорого. Золотоордынские ханы считали их лучшей данью от русских князей. Не потому ли в 1380 году, как гласит поэтическое предание, именно соколы и кречеты рвались со золотых своих колодиц из каменного града Москвы, обрывали шелковые опутини и взвивались под синие небеса, звеня золочеными колокольцами и желая ударить на великие стаи гусиные и на лебединые? То доблестные воины русские шли на поганого царя Мамай. Ни одно произведение древнерусской письменности не обходилось без сравнения людей с этими птицами. Ведь еще вещий Боян, воспевая их подвиги, словно бы выпускал десять соколов на стаю лебедей...

Славились русские ловчие соколы и далеко за пределами родины. Ещё в XIII веке их достоинствами восхищался в своем обширном трактате «Об искусстве охотиться с птицами» немецкий император Фридрих II Гогенштауфен. Позже царевич Ямгурчей, отправляясь на богомолье в Мекку, прямо-таки кланчил их у Ивана III со словами о том, что «белый кречет да шуба рысья — велми там дорого стоит». При Иване Грозном ловчих птиц посылали из Москвы всевозможным монархам, что способствовало улаживанию дипломатических отношений. За «великие дары» почитал их персидский шах. Если по пути в Тегеран какой-либо сокол невзначай умирал «с дорожной истомы», то послы все же передавали шаху его крылья, и подарок считался сделанным.

Разумеется, не за одну только величавую статью белоснежного оперения ценили кречетов любители соколиной охоты. Кречеты — а так называли только самок, самцов звали кречатьими челигами — самые крупные представители соколиных птиц. Сейчас их насчитывается в мире не более пяти тысяч особей. По-видимому, кречеты всегда были редкими, но именно они снискали высокую славу всему семейству соколиных птиц. Если ловчие соколы-сапсаны били дичь только на лету, кречеты нередко брали ее и с земли. Они умели взлетать «на хвосте», взмывать прямо вверх, тогда как другие птицы поднимались кругами. Попеременного боя двух-трех кречетов не выдерживали даже коршуны и орлы. С огромной высоты со сложенными крыльями пикировали на них кречеты, нанося удары прижатыми к туловищу «емями» — лапами, а точнее — острыми когтями задних пальцев.

При царе Алексее Михайловиче, когда русская соколиная охота достигла подлинного своего расцвета, будущих ловчих птиц чаще всего отлавливали на скалистых островах и побережьях Белого моря. Ловля эта считалась государственной повинностью и возлагалась на особых «помытчиков», которые собирались в ватаги по двадцать человек и должны были за год поймать не менее трех птиц. Ранней весной прямо из гнезд доставали они еще неоперившихся «гнездарей», легче всего поддававшихся потом приручению. Вылетевших из гнезд называли «слетками». Пойманных на следующий год, но еще не линявших — «молодиками», а уже надевших второй наряд — «розмытами». Взрослые соколы назывались «дикомытами». Места их обитания считались заповедными и охранялись специальными стражниками. Возле «кречатьих сedyбищ» даже помытчикам запрещалось охотиться или ловить рыбу. Строго-настрога велено было им пойманных птиц «не подменивать и никому по дружбе и по свойству и в подарках не отдавать, и московского государства людям и за-

морским немцам не продавать и хитрости никакие над птицами не чинить».

В особых возках, обитых изнутри войлоком, везли помытчики свою драгоценную добычу по первопутку через Холмогоры, Вологду и Переяславль-Залесский. Везли медленно, дабы не испугать птиц и не помять в дороге их маховые и рулевые перья. Каждой на прокорм полагалось из царской казны по две деньги в сутки. Сами же помытчики снабжались грамотами, освобождавшими их от всех местных

налогов и сборов. Старшему из них царским указом предписывалось «самоу беречись от пьянства накрепко и служилым людям и помытчикам пьяного питья и табаку пить и зернью играть отнюдь не давать, чтоб от нечистых и скаредных людей над птицами великого государя, над кречетами, какое дурно не учинилось». В Москве птицы поступали в ведение «приказа тайных дел» и содержались на так называемом «потешном дворе». Уроженцы северных побережий плохо переносили теплый московский климат, поэтому с ними охотились только осенью, с сентября по ноябрь, а на лето помещали в просторных избах с каменным полом и решетчатыми окнами, обращенными на север. На полу ставились им большие лохани с глыбами льда, на которых птицы охотно сидели, а когда лед таял, то тотчас же купались в студеной воде. Бежавший в ту пору из страны Григорий Котошихин вздохнул, как об особой государственной тайне, рассказывая за рубежом о содержании ловчих птиц в кречатнях Алексея Михайловича.

Да в том же приказе, — сообщал он, — ведома царская летняя потеха, птицы, кречеты, соколы, ястребы, челики, и иные; а бывает теми птицами потеха на лебеди, на гуси, на утки, на жеравли, и на иные птицы, и на зайцы, и учинены для той потехи под Москвою потешный двор; да для той же потехи и для учения учинены сокольники со 100 человек, и на том дворе летом и зимою бывают у птиц беспрестанно, и днюют и ночуют, по переменам, человек по 20, а честию те сокольники — люди пожалованные денежным жалованьем и платьем, погодно, и поместьями и вотчинами, и будущи у тех птиц, пьют и едят царское; а будет у царя всяких потешных птиц больше 3000, и корм, мясо говяжье и баранье, идет тем птицам с царского двора; да для ловли и учения тех же птиц на Москве и в городах учинены кречетники и помощники, больше 100 человек — люди пожалованные ж, а ловят тех птиц над озерами и над большими реками на берегах по пескам, голубыми и сетями, и наловя тех птиц привозят к Москве больше 200 на год; да на корм тем птицам и для ловли емлют они, кречетники и помощники, голуби во всем московском государстве, у кого б ни были, и имав, привозят к Москве ж, а на Москве тем голубям устроен двор же, и будет тех голубей больше 100 000 гнезд...

Число царских ловчих птиц в этом сообщении явно увеличено, так как по «росписи государевым охотникам» в 1656 году на потешном дворе значилось только 70 кречетов и кречатных челигов и 29 соколов и сокольных челигов. Во главе потешного двора в ту пору стоял Ловчий сокольниковского пути. Когда-то эту должность исполнял Гаврила Пушкин —

сокол великого русского поэта. Потом Алексей Михайлович распоряжался «держанием» — приручением и обучением этих птиц, но вскоре поручил это дело своему двоюродному брату, Афанасию Матюшкину, в подчинении которого оказались подсокольничий Петр Хомяков, пять начальных сокольников и около сотни рядовых «поддатней». Понимая, что в таком кропотливом деле, как приручение соколиных птиц, многое зависит от слаженности общих усилий, государь советовал Матюшкину «робят держать в руках, чтоб были вежливы, чтоб оне были в совете меж себя и в дружбе, и разбору б меж их не было никакого».

Даже из дальних походов справлялся Алексей Михайлович о своих птицах, «как их носят и как они летят». С равным вниманием интересовался он их здоровьем и самочувствием ходивших за ними сокольников. «Хто Карпунькину птицу носит, и встал ли Карпунька,» — запрашивал он в годину какого-то морового поветрия. Птицы и люди потешного двора были слиты для него воедино. Каждый сокольник, по его мнению, обязан был являть подлинный пример того, каким должен стать приручаемый им сокол. Ведь и тогда все животные считались носителями определенных духовных качеств, присущих тем или иным людям. А сокол всегда был воплощением не только смелости и отваги, но и нравственного величия. Вспомним горьковскую «Песню о соколе»... Поэтому и сокольнику полагалось «во всякой правде быть постоинну и твердо и однословну, и ото всякого дурна быть чисту, и за государевою охотою ходить прилежно и бескучно, с радостию и охотою, и подначальных своих любить как себя, и ото всякой дурости унимать их без всякия хитрости, и им не потакать, и во всяком их плутовстве и неистовом деле не покрывать, и быть к ним любительну и грозну...»

Сокол в пленке. С миниатюры XIV века. А часа вынашивал сокольник приручаемую птицу. Если по снятии пленки сокол все же дичился и не брал пищу из рук, то носили еще и еще. Чувство голода вынуждало птицу забыть страх. Тогда начиналось «ваблень» — сокол привыкал к видению на руке. Потом — «правлень» — его учили набрасываться на добычу. Когда птица уже послушно возвращалась к сокольнику, ее «отведывали на добычах».

Слова эти взяты из «Книги, глаголемой урядник, или новое уложение и устройство чина сокольничьего пути». Созданное в 1656 году, это произведение содержало описание пожалования из «поддатней» в начальные сокольники некоего Ивана Ярыжкина, но в ином состоит историческая ценность этой книги. Перечислив свои высокие нравственные требования к моральному облику тех, кто занимается приручением ловчих птиц, Алексей Михайлович предвосхитил в ней известную фразу о том, что в человеке «все должно быть прекрасно», писал и о внешнем виде настоящего сокольника. Из лучших английских сукон «жаловал» он ему кафтан и сапоги желтой телячьей кожи, повелевая по торжествам надевать поверх одежды особые крылья, склеенные из холста и узорчатой тафты. Впредь «тихо и стройно» надлежало сокольнику носить ловчие атрибуты, «премудровато и образцевато» следовало ему брать в руки кречета, а потом держать его «честно, явно, стройно, подправительно, подъявительно к видению человеческому и ко красоте кречатьей». Ради того, чтобы все в ловчем деле стало красиво и нарядно, чтобы соколиная охота стала «утешением сердечным», а не зрелищем того, как одна птица нападает на другую, — ради всего этого и была написана Алексеем Михайловичем его единственная в жизни книга. Взволнованным поэтическим слогом описал он в ней свою любимейшую «потеху»:

Зело потеха сия утешает сердца печальные и забавляет веселием радостным и веселит охотников сия птичья добыча. Безмерно славна и хвальна кречатья добыча. Удивительна же и утешительна и челига кречатья добыча. Угодительна потешна дермлиговая перелазка и добыча. Красносмотрителен же и радостен высокого сокола лет. Премудра же соколья добыча и лет. Добровидна же и копцова добыча и лет. По сих доброутешна и приветлива правленых ястребов и челигов ястребьих ловля: к водам рыщение, ко птицам же доступление. Начало же добычи и всякой ловли — рассуждение охотников временам и порам, разделение же птицам во добычах. Достоверному же охотнику несть в добыче и ловле рассуждения временам и порам; всегда время и погода в поле. Будите охочи, забавляйтесь, утешайтесь сею доброю потехою, зело потешно и угодно и весело, да не одолеют вас кручины и печали всякие. Избирайте дни, ездите часто, напускайте, добывайте, нелениво и бескучно, да не забудут птицы премудрую и красную свою добычу. О, славные мои советники и достоверные и премудрые охотники! Радуйтесь и веселитесь, утешайтесь и наслаждайтесь сердцами своими, добрым и веселым сим утешением в предъидущие лета...

После смерти Алексея Михайловича, вопреки его заветным пожеланиям, интерес к ловчим птицам в России заметно поубавился, и в 1696 году Петр I сформировал из московских сокольников два пехотных батальона. С ними утратились многие секреты соколиного «держания». Сами же птицы к тому времени не научились размножаться в неволе, на приволье с каждым годом их становилось все меньше и меньше...

Лишь 1 июля 1964 года было принято постановление о запрете отстрела, отлова и разорения гнезд всех видов хищных, а значит и соколиных птиц на территории нашей страны. И с той поры снова всерьез заговорили о необходимости их приручения, о возможном использовании ловчих птиц при экологическом балансировании охотничьего и сельского хозяйства. Оказывается, что там, где изредка пролетают «быстрейшие из быстрых», воробьи уже не опустошают поля, а скворцы — виноградники, вороны не расклеывают арбузы, а цапли — рыбную молодь. Эти пернатые настолько боятся пикирующих птиц, что те даже охраняют взлетные полосы аэродромов от перелетных стай. Мало того, ловчие птицы явно предпочитают нападать только на больных животных, тем самым предотвращая распространение различных заболеваний. В некоторых странах они уже наводят санитарный порядок в городах, страдающих от расплодившихся голубей.

Орнитологи с каждым годом все большее внимание уделяют исследованию рефлекторной деятельности соколиных птиц. Что ж, еще великий Брэм говорил, что умственные способности соколиных подстать их физическим дарованиям! Задолго до него и царь Алексей Михайлович был настолько уверен в том, что его птицы могут творить всяческие чудеса, что однажды даже подумал, а что если бы на сцене придворного театра вместо актеров, пытавшихся изображать птиц, «представляли» сами птицы? И отдал распоряжение найти «мастеров таких, чтоб умели то сделать так, чтоб всякие птицы пели и ходили и кланялись и говорили, как то в комедиях делаетца...» Вряд ли отыскались да и когда-либо найдутся подобные мастера. А иным энтузиастам приручения соколиных птиц, какими бы орнитологическими познаниями они ни располагали, какие бы насущные цели в том впредь ни преследовали, следует помнить, что любое общение с животными прежде всего требует от человека неустанного нравственного самоусовершенствования. Так уж истари повелось...

Анатолий ТУРОВ

ВОЛОС С ГОЛОВЫ МЕДУЗЫ ГОРГОНЫ

Сытая змея медленно переползала дорогу. Ее толстое полуметровое тело лениво скользило по облитой дождем черной земле. За змеей стлался еле уловимый свистящий шорох.

— Ах, как я славно поохотилась, — размышляла довольная собой змея, — какие теплые мышата попались мне в последней норе, какие они толстенькие, целых пять зверьков. О-очень сытно, о-очень вкусно... И особенно приятно, что они подросли к моему сегодняшнему обеду как раз в меру — и не маленькие, и не слишком большие...

Все дело в том, что змеи могут заглатывать довольно-таки крупную добычу. Например, голова всем известного ужа выглядывает скромно по сравнению с лягушкой, которыми этот уж питается. Но он преспокойно заглатывает свою добычу. Да и любая мышья больше головы гадюки. И все же гадюки питаются мышевидными грызунами. Правда, в отличие от ужа, гадюка вначале умерщвляет свою жертву молниеносным укусом, а потом уже заглатывает. Но мертвая мышья ничуть не меньше живой. А крупные тропические удавы нападают на таких больших животных, как обезьяны, козы. Описан случай, когда десятиметровый питон проглотил взрослую женщину.

Способность змей заглатывать крупную добычу объясняется характерным для них подвижным соединением всех костей, ответственных за величину рта. Эти кости соединены между собой, как резинками, сильно растяжимыми связками. Поэтому змея и раскрывает свою пасть по добыче, будто у нее рот резиновый.

Наша змея — обыкновенная гадюка — питается мелкими грызунами и, забравшись в их гнездо, может проглотить по очереди все семейство.

— Родители мышат были очень недовольны моим появлением, — продолжала размышлять змея, — они пищали, металась по норе, пока я заглатывала их детенышей. Но я не стала кусать мечущихся родителей. Все равно я не смогла бы их проглотить. Для взрослых мышей мой рот еще слишком мал. А тратить змеиный яд попусту, лишь бы прекратить мышиную возню, я не собираюсь.

Змея так увлеклась своими размышлениями, так разомыла от приятной тяжести в переполненном брюхе, втрещилась остановиться и передохнуть на солнечном пятне в расщелине дороги. Дождь кончился недавно и лишь на открытых местах, на солнышке земля успела вновь нагреться.

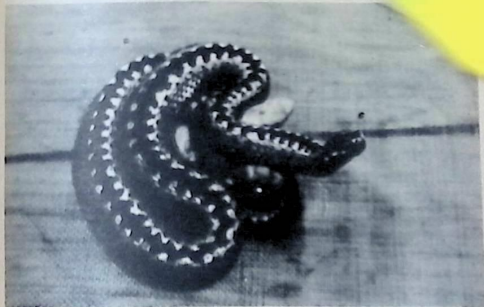
— Послушай, змея, ты потеряла осторожность, ты лежишь на открытом месте, тебя все могут увидеть, — закаркал сидящий на ольхе ворон. Ворон заприметил змею и с любопытством следил за ней.

Змея хорошо помнила обиду из основных заповедей своих предков, гласящую о том, что каждый, кто владеет смертельным ядом, кто наделен высочайшей мудростью, должен быть всегда незаметен, неслышим, невидим. Яд и мудрость безотказны, поэтому ядом и мудростью не пугают, ядом и мудростью действуют. Но наша змея была еще молода и думала, что когда брюхо наполнено вкусной пищей и на земле удалось найти теплое местечко, не обязательно следовать старым заповедям.

— Не каркай, черный болтун, не воронам учить змей осторожности. Кого мне здесь бояться, кто может напасть на меня, уж не птицы ли? Да и дорога в лесу заброшена, только мы, змеи, переползаем ее инос...

— Ка-а-ак знаешь, ка-а-ак знаешь, — закаркал старый ворон, — но лежать на открытом месте, даже на заброшенной дороге. О давно забытых дорогах, по старой дороге могут пойти вновь...

— Мне некого бояться в этом лесу, — прошептал змея.

свернувшись кольцами, собралась было подремать на солнышке.

Но в это время ворон увидел меня с собакой. Я и Габошка недалеко выходили из лесу на заброшенную дорогу и направлялись как раз в сторону лежащей змеи.

— Послушай, змея, — торопливо закаркал ворон, — а ты когда-нибудь видела человека?

— Если ты не перестанешь тараторить, — зашипела злобно змея, — я доберусь и до твоих птенцов. Для человека мой яд тоже опасен, это знают все.

Человека эта молодая змея еще ни разу не видела. Скрытны змеи, редки в этих местах прохожие. Давно заброшенная и местами уже заросшая кустарником и молодыми деревцами дорога грустно петляла по лесу в поисках человеческого жилья, в поисках людей, которые могли бы расчистить ее, и ногами, скрипучими телегами и мягкой резиной автомобильных колес каждый день разглаживать ее старческие морщины, подагрические бугры. Но куда бы не скользила среди лесных чащоб дорога, приводила она лишь к некошеным полянам, заброшенным деревьям, от которых только и остались завалившиеся колодцы да квадраты темно-зеленой травы с большими белесыми камнями по углам — следы деревянных строений. Люди давно ушли из этих мест, на то бы свои причины. Дорога не знала этих причин и, словно заудившийся в лесу теленок, все петляла и петляла от беляника к ельнику, от ельника к ольшаннику — вдруг да пожется наконец за очередным поворотом на светлом бугре вивая деревня, кивающая журавлиными шеями колодцев вдоль единственной улицы, с серыми с позолотой еловыми пятистенками, с напирющими сзади домов просторными крытыми дворами, с разбросанными в поле вокруг деревни баньками — избушками на курьих ножках в одно окошко, с дерущимися голосистыми петухами, с пятнистыми — темно-коричневые разводы по белому фону — телятами и людьми — корнем всей этой жизни.

Мне давно уже рассказывали местные жители об этой скучающей в безлюдье дороге, о том, что бродят по ней лишь лоси, олени да кабаны, перебегают ее зайцы, переползают змеи. И вот сегодня мы с Габошкой на нее набрели, да еще такой подарок — змея греется на солнышке. Никогда еще не видел я на воле ядовитых змей. Габошка без особого интереса отнесся к находке, покосился на нее издали, повел слегка носом, втягивая короткими рывками воздух, и потерял к змее всякий интерес — не тот запах. А мне очень захотелось взять это сокровище домой, рассмотреть ее хорошенько, понаблюдать за ней.

— Но я же укушу тебя, — зашипела тихо змея, вспыхивая блестящим раздвоенным язычком из слегка приоткрытой пасти. — Я укуш-ш-шу тебя, и ты уснешьшь на-а-а, если посмеешь тронуть меня-а-а.

Два дьявольских, крохотных ледящих огонька горели в глазах, мутной синевой поблескивала чешуя, расшитая темным узором. Змея медленно, как-то боком стала стекать в высокую траву. Раздумывать было некогда. Палкой я осторожно прижал голову нерасторопной змеи к земле и, двумя пальцами правой руки ее за шею, у самой голоподнял над землей. Огорошенная моей дерзостью змея на мгновение неподвижно повисла тяжелой плетью, затем несколько раз импульсивно дернулась и, напрягая все свои мышцы, начала извиваться, пытаясь вырваться из моих пальцев. Отворачивая руку со змеей в сторону, я понес пленницу домой. Пешка бежал впереди, часто оглядывался, недоумевал — куда я несу столь диковинное существо.

А мудрый ворон так и остался сидеть на ольхе. Он пошевелил голову набок, провожая нас взглядом, распушил перья, уселся поудобнее на ветку, как клушá на яйца, и с довольным видом стал размышлять о том, какой же все-таки мудрый и осторожный...

До нашей деревни оставалось пройти километра четыре. Хотя змея была небольшой, нести ее двумя пальцами оказалось не так-то просто. Она была раздосадована пленением и все время ждала случая, как бы вырваться или укусить. Моя правая рука быстро устала. Я попытался поддержать змею левой, но, получив точку опоры, змея стала так извиваться, что от попыток облегчить участь правой руки пришлось отказаться.

На поле, уже у самой деревни, нам навстречу попался старик Серганов. Ему уже пятьдесят лет с лишним, из них последние двадцати он пасет коров, лошадей, телят.

— Куда ты ее несешь, убей скорее, а то она нам телят кусает. Ишь ты, черная гадюка. А ко мне вчера серая приползла, да прямо на крылечке и устроилась. Лежит и греется на солнышке. Я ей и говорю: «Здравствуй, сударыня, чай званной в гости-то пришла», — и убил ее, а то еще в дом заберется, а там наступишь или сядешь на нее — она и кусит.

— Лев Дмитриевич, а были случаи, чтобы гадюка телят кусала? — обращаюсь к нему.

— Нет, у меня не было, чай уж сколько лет пасу, как с фронта вернулся, так и пасу. И коров, и телят, и свиней, и овец, и лошадей пас, но чтоб их гадюка кусала, не видел; может, наверное... Ты ее пожалуй не убивай, а отнеси в

лес, на Харловскую дорогу, там и отпусти — там ни людей ни телят не бывает. Нет,— продолжает он,— телят гадюки не кусали, а вот людей кусали. В позапрошлом году Клавдию Васильну, продавщицу, гадюка в ногу укусила, как раз в щиколотку. Хорошо, что она сразу почувствовала, как что-то холодное ткнулось в ногу и слегка ужалило. Посмотрела — а на щиколотке две красные точки от укуса. Тут-то она и догадалась, что ее гадюка укусила. Она лесом мужу воду несла на одну из полян, где у них покос. Так вот, пока она до мужа добежала — воду донесла, да пока они с мужем в деревню прибежали, нога-то уже опухла, идти Клавдия не может. Тут лошадь запрягли в телегу, Клавдию на телегу положили и скорее к катеру. А катер до Дубны два с половиной часа по Московскому морю плывет. Еле спасли Клавдию, три недели она в больнице провела, шок у нее был, еле спасли. А тут много гадюк и черных, и серых, и желтых. Я их часто в лесу встречаю, особенно на заброшенных дорогах и у залива. Поэтому мы в поле или в лес только в резиновых сапогах ходим — сапог-то гадюка не прокусит.

— Наверное, это молодая гадюка? — спрашиваю я пастуха.

— Молодая-то молодая, а посмотри какая толстая. Чай с удачной охоты ползла.

Я и сам только сейчас заметил, что при своей небольшой длине гадюка толста.

— Посажу в роевню. Роевня плотно закрывается, а дно и крышка из мелкой металлической сетки, так что все будет видно. Понаблюдаю за ней немного, а там и отпущу.

— Ну, гляди-глядя, как бы она не удрала в доме, а то елов-то понаделает.

Я распрощался с пастухом и пошел в деревню. Во время шшего разговора змея неподвижно свисала с моей руки, ловно понимала, что с сельским жителем шуточки плохи. Но стоило мне вновь остаться с ней с глазу на глаз, как змея тут же попыталась вырваться.

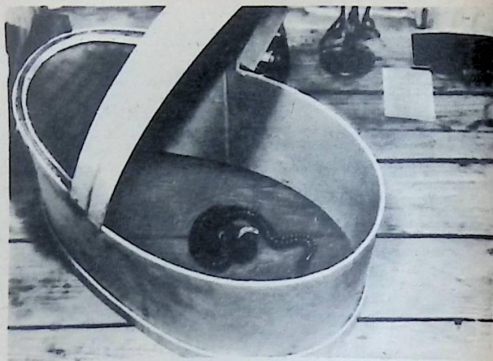
— Ну, уж-ж-ж погоди, уку-ш-ш-шу я тебя,— тихо шипела она, подтягивая и резко бросая вниз свое тело. Наконец мы пришли к дому. Я достал роевню и посадил в нее нашу новую квартирантку. Крышку роевни плотно закрыл и с нетерпением уселся рядом наблюдать.

— Как же, жди-и-и,— льдом сверкнули угольки ее глаз,— стану я при тебе искать выход из своей тюрьмы. Сиди-сиди, а я пока дыхание переведу, с мыслями соберусь, умом пораскину — как из плена бежать.

И сколько я не сидел, змея неподвижно лежала на сет-

дне роевни. Удивительное, прекрасное существо. Сколь-
верий ходило в народе в стародавние времена в связи
еями: «Натрись шкурой змеи — и ты станешь неуязвим
стрелы и пули; съешь мясо змеи — и покинут тебя все
зни». Именно змея по мифам древних греков была од-
из двух священных животных бога врачевания Аскле-
с которой он изображен на сохранившейся до наших
скульптуре. Современным медикам тоже не удалось
ать против притягательной силы змеиного взгляда, уди-
льных свойств яда змеи. Змея, обвивающая чашу — сим-
и нынешней медицины. Многие тайны жизни и смерти
матривают современные исследователи в прозрачной
е змеиного яда, цепенеющий ужас охватывал древнего
века от соприкосновения с этой тайной. Поэтому, когда
бражение древних греков создавало самый чудовищный
из в своей мифологии — образ Медузы Горгоны, то одним
устрашающих начал этого образа стали извивающиеся
и на голове Медузы вместо волос.

Гибнет доброе существо в народных сказках — и капли крови из его ран превращаются в алые цветы, гибнет чудище — и капли его крови превращаются в шипящих змей, расползающихся по темным, сырым щелям в земле.

Взгляд змеи, мудрость змеи, жало змеи, и, наконец, просто — змея! Сколько различного смысла, противоречивых чувств спрессовано в одном коротком слове, сколько метущихся размышлений посвятил человек тебе, змея. А как фыркает и бросается в сторону лошадь, почуявшая змею, как волнуются овцы, если змея затоптана возле дома, как цепенеет лягушка, мышь, птица в гнезде под взглядом двух неподвижных глаз. «Почему природа наградила змей такими свойствами», — подумал или произнес я вслух. Наверное от долгого сидения над роевней со змеей я стал дремать, а может быть и меня околдовал ее взгляд, но в ответ на мой риторический вопрос из роевни раздался стелющийся шепот:

— Я расскажу тебе, человек, некоторые змеиные тайны, но с-с-с условием, что ты потом выпус-с-с-тишь меня-а-а. Ты с-с-с-согласен?

Мне ужасно не хотелось отпускать змею, но выкуп за свободу, который она мне предложила, был заманчив.

— Хорошо, змея, рассказывай, и я отпущу тебя, если твой рассказ будет занятен и правдив. Расскажи мне вначале, что такое свобода, воля змеи.

— Воля змеи — это каждый день скользить среди корней и ветвей кустарника так же бесшумно, как растет трава. Это — в холодные дни стыннуть в пещерах, щелях и зашиенных норах, а в теплые — пить солнечные лучи, лежа на камнях, пнях, или повиснув на ветвях кустарника. Воля змеи — это охота. Как пчелы заполняют медом соты, так сушки — вестники ночи — заполняют мраком все ячейки леса. Мрак наш мед, и мы купаемся в нем, на его волнах скользим в траве, вместе с ним просачиваемся в мышинные норы, птичьи гнезда, неслышно подползаем к жертве и метким ударом головы, почти незаметным для твоего глаза, человек, парализуем добычу ядом.

Подземные пещеры — клады горящих самоцветов, драгоценных камней наградили нас глазами, выбрав два самых маленьких камня, наделив их самым глубоким, таинственным цветом. Жар огня и холод льда спаяны в наших глазах. Узкие щели между корнями, между камнями отшлифовали наше тело, утренние росы выжгли на нем загадочный для нас, люди, узор, записали этим узором мудрые заповеди природы, черный лак раздвоенного языка, выплескивающегося из пасти — символ единства смерти и жизни, единства, таящегося в прозрачной капле яда глубоко в пасти, в острых зубах — это подарила нам мудрая ночь, ночь, успокаивающая страсти, убаюкивающая боль, уравнивающая неравных.

Мы пьем чашу мрака,
Мы стынем в пещерах,
Неслышно стекаем в чужие дома.
Пылающий лед,
Смерть в глазах с поволокой
Застыла как будто в испуге сама.
Вглядись в наш узор —
Это мудрая запись.
Прочешь коль сумеешь — прозреешь навек.
Вглядись в каплю яда.
Извечную тайну
В той капле храним для тебя, человек.
Из пасти шипящей
Всплеск черного лака,
Две белых иглы изогнулись в усы.
Две капли росы,
Бриллианты из мрака
Стекают по лезвию острой косы.
Укус незаметен,
Как смерть незаметна.
Свидание с каждым, — кто видел ее?..

Незримая грань
Между жизнью и смертью
Колелблется в капле. Та грань — бытиё.
Увидишь ту грань —
И Асклепий уступит
Тебе, человек, чародейство богов.
Наполнится чаша
Живою водою —
И будешь ты властен над бегом веков.

Я взглянул в роевню и вдруг увидел в разных местах ее пять комочков в полпальца величиной каждый. Нагнувшись ближе, я понял, что это пять мертвых мышат.

— *Змея, что за колдовство, откуда в роевне появились мертвые мышата, ведь она плотно закрыта, щелей нет, и мне казалось, что я не сводил с тебя глаз?*

— *Это мои мышата, я съела их сегодня во время удачной охоты, как раз перед встречей с тобой. Но ты поймал меня и посадил в эту тюрьму. Тогда я приказала своим глазам найти выход. Глаза искали выход, но ячейки сетки оказались слишком малы, а щели в дереве слишком узки для моего тела — оно очень располнело после сытного обеда. Я отрыгнула одного мышонка, стала немного тоньше и вновь обследовала все закутки, ища выход, но его не было. Тогда мне пришлось расстаться со вторым, третьим, четвертым, пятым мышонком — со всей добычей. Я стала тощей, тонкой, но все равно выхода не нашла. И только после того, как я испробовала все способы освободиться, и не один не принес мне успеха, я сдалась и предложила тебе свой рассказ взамен на свободу.*

— *Но почему же я раньше не заметил этих мышат, до того, как ты начала свой рассказ?*

— *Мы, змеи, не едим мертвечатину, мы заглатываем только живых существ. Только солнце и горячая кровь наших жертв может согреть змею. Мышата, с которыми мне пришлось расстаться, были уже мертвы, но их тела сохраняли тепло, и мне было жаль сразу оставить добычу. Изгибами своего тела я собрала мышат вместе и обвила их кольцами, вот так, смотри, — и змея, тихо шелестя чешуей по сетке, заскользила по роевне. Через мгновение еще недавно разбросанные мышата плотной кучкой лежали в кольцах змеи, и над ними тихо раскачивалась шипящая голова с мелькающим блестящим раздвоенным языком и неподвижными глазами — рубин с дымчатой поволокой.*

Я поднял роевню, вынес ее за огороды и открыл крышку. В траве блеснула черная молния.

Олег ВОРОНОВ

ОБИДА

Каждую ночь я разрешал сеттеру Гиро укладываться на ночлег возле моей кровати. Это было самым большим для него поощрением. За десять лет и я привык, что он всегда рядом со мной. Много нам с ним довелось хаживать по охотничьим просторам. Беззаветная преданность, удивительное трудолюбие внушали к нему уважение. Но возраст... Как мал собачий век! Глядя на отяжелевшую походку сеттера, я с ужасом думал, что скоро навсегда придется с ним проститься.

Не дожидаясь смерти старика, я приобрел щенка, такого же рыжего лопухого сеттеренка — и ушел из дома покой и порядок. Все пошло вверх дном. Постепенно свое внимание я переместил на щенка. Много приходилось с ним заниматься, давать охотничье образование. Гиро воспринимался теперь, как что-то само собой разумеющееся, постоянное, сложившееся прочно. Иногда на глаза попадались его многочисленные медали, и я глубоко вздыхал, думал: будет ли таким же мудрым охотником, как Гиро, этот заводной щенок.

Лежа на подстилке, старик неотступно следил за мной. Глаза его были грустны и задумчивы. Сначала я не придавал этому значения. Обижаться-то, вроде, не на что. Ночью же я впервые заметил, что старого друга возле кровати нет. Его не оказалось на другой день и на третий. И я понял, что произошло.

Когда мы встречались взглядами, в его глазах я успевал прочесть укор: предал, дескать, меня, променял на бестолкового щенка. И я невольно чувствовал угрызение совести. До слез становилось жалко старика. Хотелось обнять седую лопухую морду, успокоить, убедить, что по-прежнему люблю его. Но мои слова ему были не нужны.

Всю следующую ночь я не сомкнул глаз — думал как быть дальше, и вспомнил о друге, о его уютной лесной дачке Малахово. С нетерпением я ждал утра. Наконец оно настало синее, тихое, снежное. Я быстро оделся, сунул щенка под шубу...

И снова, положив голову на тапочки, Гиро спал у моих ног.

БЕЛОЕ ПЕРЫШКО

Это было где-то в середине июля. Я встретил жену по-работы, взял у нее авоську, и мы пошагали домой.

На улице Льва Толстого, как раз напротив Хамовничей усадьбы великого писателя, я чуть было не наступил какое-то маленькое, копошащееся на тротуаре существо. Крапывал дождь и было темно. Нагнувшись, я раздел голубиног птенца. Ему было не более недели. Пух, закрывавший его маленькое тельце, промок и сбился, обнажая синюю в пупырышках кожу. Он испуганно жался к стене. Я взял его в руки: тельце дрожало.

— Оставь,— сказала жена,— голуби болеют какими-то болезнями, не хватает домой занести заразу.

Я знал, что совсем не это сейчас руководит ею. Просто меня всегда кто-нибудь живет из зверья.

Однажды на птичьем рынке я приобрел у мальчишек птенца степного орлана, от одного вида которого жена пришла в ужас. Но потом привыкла и даже заплакала, когда я отдавал его в зоопарк. Варлаам (так я назвал орлана) оказался на редкость привязчивым и ласковым существом. Он облюбовал себе место на подоконнике моего кабинета. На подоконнике у него была идеальная чистота: он сметал с него же косточки, зато кабинет он превратил в «авгиевы ковши». Была у него страсть к моим рукописям. Стоило мне начать разбирать их, как он тут же, слетев ко мне на руки, выхватывал когтями листы бумаги и взмывал к потолку. Спизировав оттуда на диван, он поглядывал на меня, как бы говоря: «Попробуй, отними!».

Когда я заходил в комнату покормить его, он с верещанием бросался ко мне на грудь, оттуда перебирался на плечо. В таких случаях жена в ужасе закрывала лицо руками и говорила, что эта дикая хищная птица когда-нибудь выклюет мне глаза. Но за полгода, которые он прожил у нас, он не только ни разу не клюнул, но даже не поцарапал меня. Зато однажды, когда ко мне зашел мой знакомый поэт Семен Сорин и потянулся погладить орлана... За эту непростительную ласку Семен получил страшный удар клювом по руке.

И вот, наступил день расставания. Я сговорился с директором зоопарка, что они примут орлана под свою опеку.

К подъезду подошла такси. Я взял сумку и внес ее в комнату. И тут началось что-то несусветное: Варлаам верещал, метался из угла в угол, потом бросился к потолку.

Я стал ловить его, он взерошил перья, ошетинился, и начал зло бросаться на меня, пытаясь клюнуть. Пришлось надеть кожаные перчатки, чего раньше я никогда не делал. С непостижимой для меня злостью и остервенением отбивался орлан, пока мне с трудом удалось запихнуть его в сумку.

Прошло десять дней карантина, которые орлан должен был провести в клетке на случай проявления какой-нибудь скрытой болезни. Никаких заболеваний не оказалось, и его выпустили в вольер в компанию своих сородичей. Вскоре я навел на него. Услышав мой голос, Варлаам с криком бросился к загородке, за которой я стоял. Он бежал, спотыкаясь, падал, припадая почему-то на один бок. Боже, да ему же обрезали крылья! Варлаам прижался к моей руке, слегка покусывая ее клювом, и жалобно верещал, как бы жалуясь на свою судьбу: «Зачем, зачем ты отдал меня сюда? Мне

— И когда ты наконец перестанешь приводить в дом бродячих животных!

хо здесь. Меня обижают. Видишь, обрезали крылья. Я те-
шь не могу летать и бегаю, спотыкаясь, как какая-то ку-
да. Мне так было хорошо у тебя, зачем ты отдал меня
да? Неужели тебе стало жалко бумаг, которыми я играл?
ни так, ты бы сказал и я перестал бы их трогать, пусть
е лежат. Мы бы ходили с тобой играть в парк, как всегда
бы летал на цепочке по кругу, а ты бы смеялся. А те-
шь вот видишь? Обрезали крылья... И я здесь совсем чу-
й. Спасибо, что навестил, а то мне было совсем худо!»
протянул ему мясо, которое принес. Орел не притронулся
нему, а продолжал, жалуясь, верещать: «Забери меня от-
да, мне плохо!»

Что я мог теперь сделать для Варлаама? Ему предло-
или свободу, выпустили в открытый вольер, но обрезали
ылья. «Орел без крыльев, — думал я, уходя из зоопар-
— странное понятие у людей о свободе!»

Сейчас, когда я работаю, у меня на плече сидит Белое
рышко, тот самый голубок, которого я подобрал на улице
ьва Толстого. Он вырос и окреп, хотя это еще не совсем
рослая птица — у него переходный возраст от птенца к
рослому голубю. Голубятники называют их «хрипунами».
и перестал пищать, но еще не стал гукать, а только хри-
ит. «Белым перышком» я назвал его за единственное белое
еро в правом крыле, а вообще-то он обыкновенный сизарь.
рава, есть у него несколько мелких белых перышек вокруг
оса и одно — около правого глаза, отчего головка кажется
легка посеребренной.

Белое перышко только что с удовольствием поел. С у-
го не было — он живет на воле, где-то летал. И это пон-
ю, он только познает жизнь. Сейчас он слегка почесыва-
меня за ухом или в щеку или, перебрав свои перышки, пр-
имается чистить мне волосы на затылке. Пища для него
е главное, ему необходимо мое присутствие. Когда я рабо-
таю, он может часами просиживать у меня на плече, переби-
рая на затылке волосы. У австрийского этолога Конрада
Лоренца в книге «Кольцо царя Соломона» я прочел, что так
птицы выражают свою любовь.

Белое перышко удивительно свободолюбивая птица.
Буквально через три дня после того, как я принес его до-
мой, он уже не хотел сидеть в клетке и стал рваться на
волю, хотя сам еще не умел даже есть. И мне пришлось
выкармливать его изо рта. Хлопот было уйма. Три раза
в день я разжевывал до молочной кашицы коноплю и пы-
тался всунуть гулькин нос к себе в рот, птенец сопротивлял-
ся как мог. Но, видимо, голод пересилил, и он начал с

удовольствием поглощать кашу. Так я превратился в кормящую маму. По-моему, мамой я остаюсь для него и по сей день.

За окном прелестная погода, небо — сплошная голубень, во дворе воркуют его сородичи, а мой друг сидит у меня на плече в душевной комнате. Хотя балкон открыт, и он может в любую минуту выпорхнуть на волю, он почему-то этого не делает, а косясь одним глазом, подглядывает, как я печатаю. Может быть, он знает, что я пишу про него?

Наступит вечер, небо затянется аквамарин, полыхнет последняя зорька — и он отправится почевать к себе подобным.

Тяга к вольной-волюшке возьмет свое.

Если вы встретите Белое перышко на улице, то узнаете его по оперению и кольцу на ноге с номером E500806. Это очень ласковая, добрая и свободолюбивая птица.

Не обижайте его! Он очень верит людям.

Короткая весенняя ночь проходила незаметно, и как только чуть светлело небо на востоке, а в тайге еще по-прежнему царили мрак и безмолвие, первыми из отдаленного мохового болота просыпались журавли. Их звонкие бряные трубы, приветствуя и возвещая рождение нового весеннего дня, будили спящих обитателей таежной глухо-тишины. Тотчас же вслед за ними с характерным хорканьем и выкриком открывали тягу невидимые в темноте вальдшнепы, а в соседнем сосновом бору уже слышались брачные призывы глухарей. Где-то за болотом в березнике разгорался тетеревиный ток. Судя по доносившемуся оттуда бурчанию и чухыканью, косачей на нем собралось немало. В это время восточная часть темного небосвода постепенно окрашивалась в розово-багряные тона, бледнели и таяли звезды, рассеивалась тьма и все ярче, красочнее вырисовывалась утренняя заря, становилось заметно холоднее. Берущие из теплых стран на родину пернатые птицы выжили в одиночку, а потом все смелее, громче включались в общий весенний хор, приветствуя новый день. Совсем незадолго до рассвета выскочил рябчик, и как только ему отозвались рябчик и тетерева, он тотчас поспешил к ней в быстром и стремительном полете.

В каждой лужице талой снеговой воды, в прозрачной воде реки отражалось ясное голубое небо и белые облачка, медленно плывущие по небу. Когда же веял теплый легкий ветерок, слышно, шептались друг с другом сосны, ели, березы, ольхи, сосен и кедров, окрашенные яркими лучами восходящего солнца.

Бывая весной в лесу в преддверии весны, вспоминаю о недугах стареющего организма, о том, как да, становился жизнерадостнее, о том, как влюбленный весенним пробуждением природы, просто, и в то же время сказочно влюбленный весной, в период ее обновления, но и в осеннем обновлении, в период ее обновления, но и в осеннем обновлении. От постоянного общения с этой чудесной природой духовно, добрее, более отзывчивым и чужим к людям.

А. Тюменев

ПРО МОЮ ЧЕРЕПАХУ ЧАПУ

У меня есть черепаха. Она молодая, но сильная. Если я беру ее в руки, то она шипит.

Сейчас Чапа сидит ко мне спиной и обдумывает куда ей ползти.

Она вчера залезла в комнату бабушки и перевернулась. Хорошо, что я был рядом и поставил ее на лапки. Она очень сильно зашипела и я даже вздрогнул.

Чапа сейчас полезла под тумбочку. Очень любознательная черепаха. Пока я был в другой комнате, она успела перевернуться на спину. Когда я ей придал нормальное положение, она зашипела, как будто это я ее перевернул на спину. Чапа старается влезть на стену и становится в вертикальное положение. Теперь она подползла к моим ногам и сердится, что я ей закрыл дорогу.

Я положил Чапу в ее коробку. Пусть покушает одуванчики.

Илья БАСИН, 10 лет

АПРЕЛЬ

Раздел ведет фенолог Александр СТРИЖЕВ

Весна распахнулась

С каждым днем уверенной шага весны. Вот уже и снег стаял в лесу, окончательно отходят жестокие утренники. Солнце подолгу озаряет небосвод ярчайшим светом. Теплые ветры быстро подсушили мокрую почву, теперь она скоро приобретает «посевной» запах. Это в ней множатся лучистые грибы-актиномицеты, неизменные пособники урожая. Они-то и придают почве характерный весенний запах.

Соковичник-апрель пробудил к жизни обширнейшее царство растений. На пригорках показали толстые побеги крапивы, в подлеске гонко взялась за силу сныть, отрастают злаки, осоки, щавель. Закрупнели почки у лип и берез, а тополи и подавно накануне озеленения крон. На городских скверах скоро затрепещут клейкими листочками рябины, сирени и ясени. Ажурной сеткой затянутся ветки сибирской лиственницы.

На щедрую теплынь спешно отозвалось все обширное древесное племя. Особенно чуткой оказалась серая ольха. Ее лесные товарки еще только принялись за сокодвижение, а она уже украсилась длинными сережками, и пылит пылит цветенью. Давно подметили фенологи: коли серая ольха раньше срока запылила — весну считай ранней.

На лесных просохших пригорках улыбочиво сияют цветочки волчьего лыка. Кустарничек этот неброский, мелкий, но когда распустился апрельской порой — оказался ярче всех. Недаром его величают «лесной сиренью». Летом на волчьем лыке появятся красные ядовитые ягоды.

В подлеске красуется молодая трава, униженная пурпуровыми цветками. Это медуница — живое диво апрельского леса. В старину порошок из сухих листьев медуницы присыпали раны и порубы, за что и величалась она «йод-травой». А как нектароносна цветущая медуница — знают шмели и пчелы! Подолгу паломничают в ее зарослях важные насекомые, собирая с приземистых кустиков душистую дань. Бывая в лесу, не рвите попусту дивную травку, ведь для букетов она совсем не годится.

Интересно сейчас поглядеть на бузину, хотя этим деревцем редко кто любит. Ведь в лесу и саду столько пород, куда более привлекательных, чем бузина. Однако и она, дурнушка, имеет достоинства. И немалые!

Перво-наперво, бузина неприхотлива: где посадят, там и растет с пользой. Потому-то и увидишь ее вдоль забора — скрывает неприглядные доски и столбы, на крутых берегах — задерживает срыв почвы, возле заводских корпусов — обогащает воздух кислородом и к тому же скрашивает вид. Конечно, бузина прекрасно уживается в парках, в разреженных рощах и на подступах к настоящему лесу. Везде найдешь ее узловатые, морщинистые стволы с прямыми голыми побегами, усыпанные веснушками.

С приходом тепла бузина одна из первых разворачивает свои перистые листочки. А когда дохнет майская жара, нашу дурнушку не узнать: концы веток сплошь будут в метелках зеленоватых цветков. Потом зеленость с цветков спадет, и бузина окажется в кремовой накидке. Весело тогда жужжат в ярких цветках пчелы, снимая щедрый медовый взятки...

Феликс КРИВИН

МЫШОВКА

Мышовка в любые руки пойдет, только протяни руки. Она совсем ручная, хотя никто ее не приручал, она просто по природе своей ручная.

Потому что Мышовка маленькая, а маленькому лучше быть ручным, иметь руки, которые и накормят, и защитят, и согреют в своих ладонях.

Мышовка ручная, потому что воля ей совсем не нужна, Мышовке не воля нужна, а неволя. Прекрасная вещь — неволя! На воле, конечно, простора больше, но для Мышовки воля чересчур велика, ей нужна маленькая, спокойная неволя, благоустроенная неволя, — потому что воля никогда не бывает благоустроенной¹.

ЗОЛОТОЕ ПРАВИЛО

Сейчас самое время поговорить о любви. О любви созидающей, а не разрушающей, о любви умиротворяющей, а не расслабляющей, о настоящей любви.

Когда дружок Прыткой Ящерицы у нее не отрывается хвост, как в других случаях, но, уж конечно, не настолько. У нее не отрывается хвост, чтобы не случилось с другом.

Разве можно полюбить ящерицу например, полюбили ящерицу без хвоста.

Поэтому хвост держится крепко: чтобы не отлететь, и друга возле себя удержать.

Ведь в любви знаете как? Голову не терять, а хвост отдай врагу. Золотое правило.

¹ Да что мышовка! При хорошем содержании в неволе стремится к свободе... А лишенная свободы птица квозал уми... ердца...

² А маленькая коричневая ящерица, живущая на острове в тихом океане, если ее накрыть ладонью, просто выскакивает из-под ладони. Тут же прячется под камень, видимо, устыдившись своей наготы. Этим возникает вопрос: а как бы она поступила, если бы ее накрыл ладонью? Вопрос остается открытым, потому что вряд ли у ящерицы найдется друг с такими большими ладонями.

АНТОЛОГИЯ «ЧЕЛОВЕК И ПРИРОДА»

Дмитрий СУХАРЕВ

ПТИЧИЙ РЫНОК

Люблю я Птичий рынок,
Там царство птиц и рыбок.
Бросьте вы догадки,
Едемте со мной!
Троллейбус от Таганки
Домчит нас, как шальной.
Люблю я Птичий рынок!
Но не все подряд.
В рыбах я не прыток —
Люблю я птичий ряд.
Я хожу здесь праздно,
На душе прекрасно,—
До чего здесь разно!—
Даже смотрят ражно!—
С нежностью — любители
Мелодичной твари,
А ее губители —
С думой о товаре.
Дядя Миша, стрелочник,
Козырек заломан.
Продает он пеночек,
Да не нам, зеленым.
Не глядит на деньги,
Бровь тяжела:
«Лучше-ка, студентики,
Берите вы щегла».
А вот мыслитель с тростью.
Он тут не ради выгод.

Он говорит со страстью —
Он излагает вывод:
«Не принимайте душа,
Не делайте зарядку,
Лучше просто слушайте
По утрам зарядку!»
По соседству в ящике
Кучею скворцы.
Аж хрустят, как хрящики,
Стихшие певцы.
Я гляжу на ворога —
Он стоит, мордаст.
Он не то, что скворушку —
Он отца продаст.
Люблю я Птичий рынок.
Он весь, как человечество.
Здесь нету дум о вечности
На лицах и на рылах.
Здесь торгуют разно,
Здесь толкуются всяко —
И тоскуют разно,
И смеются всяко.

Ж67. Животные в нашем доме. М., «Знание», 1978.

96 с. (Нар. ун-т. Фак. «Человек и природа», 4. Издается ежемесячно с 1975 г.).

Основу выпуска составляют художественно-публицистические очерки известного уральского писателя Б. С. Рябини-на «Уроки доброты», в которых автор рассказывает о нравственных и этических проблемах, связанных с содержанием животных в нашем доме.

Издание рассчитано на широкий круг читателей.

21002

57[069]

При подготовке этого выпуска были использованы материалы газет: «Правда», «Известия», «Комсомольская правда», «Литературная газета», «Неделя» и журналов: «Смена», «Крокодил».

Заведующий редакцией А. НЕЛЮБОВ

Авторы фотографий

В. ВЕТЛУГИН, В. КИСЕЛЕВ, А. СТРИЖЕВ,
А. ТУРОВ, Н. ФИЛИППОВСКИЙ

Авторы рисунков

В. АШМАНОВ, И. БЕРЕЗНИЦКАС, В. БОКОВНЯ, А. ВАЛЕРЬЯНОВ,
И. ВОРОБЬЕВ, П. ВОРОБЬЕВ, В. ИВАНОВ, Е. КАРПОВ, К. МЕЛИХАН,
В. МИЛЕЙКО, Е. МИЛУТКА, М. МУШНИКОВ, Л. НЕМИРОВСКИЙ,
В. ПЕСКОВ, В. СКРЫЛЕВ, В. СОЛДАТОВ, В. СОЛЯНИК,
Л. ТИШКОВ, Г. УЗУНЯН, Б. ХОННИГЕР, В. ШКАРБАН

Редактор Н. ФИЛИППОВСКИЙ

Составитель В. АЛГУЛЬЯН

Младший редактор Н. КАРЯЧКИНА

Художественный редактор М. БАБИЧЕВА

Технический редактор А. КРАСАВИНА

Корректор Л. СОКОЛОВА

ИБ № 1356

«Человек и природа» № 4, 1978.

ЖИВОТНЫЕ В НАШЕМ ДОМЕ

А04053. Индекс заказа 86503. Сдано в набор 19/XII-77 г. Подписано к печати 15/II-78 г. Формат бумаги 70X100^{1/2}. Бумага типографская № 3. Бум. л. 1,5. Печ. л. 3. Усл. печ. л. 3,9. Уч.-изд. л. 4,86. Тираж 150 000 экз. Издательство «Знание», 101835, Москва, Центр, проезд Серова, д. 4. Заказ 1022.

Ордена Трудового Красного Знамени Калининский полиграфический комбинат Союзполиграфпрома при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, г. Калинин, пр. Ленина, 5. Цена 15 коп.

